ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 94 (2477) Среда, 24 ноября 1948 г. Цена 40 коп.

Направляющее руководство партии

«На новом под'еме находится наша страна»,—сказал товарищ В. М. Молотов в докладе 6 ноября 1948 года. Товарищ Молотов нарисовал величественную картину успехов советской индустрии, сельского хозяйства, материального быта и культуры — исторических успехов во всех отраслях социалистического строительства, достигнутых под руководством большевистской партии и великого вождя советского народа товарища Сталина.

На новом под'еме находится и советская литература — «плоть от плоти и кость от кости нашего социалистического строительства». Еще на Первом всесоюзном с'езде советских писателей товарищ А. А. Жданов указывал, что успехи советской литературы обусловлены успехами социалистического строительства, что рост ее есть выражение успехов и достижений нашего социалистического строя.

«Мы имеем право, — говорил товарищ В. М. Молотов, — гордиться успехами советского искусства и в последнее время, в особенности, успехами советской литературы, что является не малым достижением направляющего руководства партии».

Направляющее руководство партии—вот основа основ успехов советской литературы. Партия развивает в нашей стране высокоидейную, партийную художественную литературу. Советская литература оставляет глубокие следы в сознании людей и играет великую роль в деле коммунистического воспитания нашего народа, она «проникает далеко за рубежи страны, освещая дела и дни нашей Родины, которые капиталистическая печать стремится скрыть или извратить в глазах трудящихся».

Под направляющим руководством партии родилась, росла и совершенствовалась советская литература. Ленин и Сталин выдвинули принцип большевистской партийности литературы, обогатили литературу глубоким марксистско-ленинским идейным содержанием, вооружили советских писателей методом социалистического реализма.

Направляющее руководство партии вело и ведет советских писателей в гущу трудовой жизни, вовлекает их в творческую, созидательную деятельность, в активную общественно-политическую работу, делает писателей активными участниками строительства коммунизма.

Советская литература, советские писатели окружены таким вниманием и заботой партии и государства, каких не ведал и не ведает мир. Советской литературе многое дано, но с нее и многое спрашивается. Партия печется о советской литературе, как заботливая мать, и в то же время партия — строгий, требовательный руководитель.

Более двух лет назад Центральный Комитет ВКП(б) принял постановление о журналах «Звезда» и «Ленинград». В этом постановлении и в докладе товарища А. А. Жданова было разоблачено гнилостное буржуазное искусство современного Запада, вскрыты факты проникновения чуждых идеологических влияний в отдельные звенья советской литературы, литературной теории и критики.

Партия потребовала от советских писателей активного вторжения во все стороны советского бытия и указала, что великая историческая миссия нашей литературы состоит «в укреплении морального и политического единства народа, в сплочении и воспитании народа» (А. А. Жданов). Партия напомнила писателям, что утверждение боевого искусства, ведущего битву за идеалы народа, всегда было традицией передовой русской литературы. Партия развернула перед писателями широкую программу борьбы за морально чистое и идейно великое социалистическое искусство, служащее народу, способное проникнуть вглубь процессов общественного развития, отразить сегодняшний день народа и осветить его путь вперед.

Так партия подготовила и возглавила под'ем советской литературы, которым сегодня гордится наша страна. Широкие массы читателей — строителей коммунизма — с удовлетворением встретили появление таких художественных произведений, как «Счастье» П. Павленко, «Кавалер Золотой Звезды» С. Бабаевского, поэм А. Недогонова и Н. Грибачева, романов «Далеко от Москвы» В. Ажаева и «Сталь и шлак» В. Попова, повести «Весна в Сакене» Г. Гулия и ряда других. Наши писатели доказали, что они успешно овладевают методом социалистического реализма, умеют показать новый духовный облик советских людей, их идейный рост и коммунистическое отношение к труду.

Особенно отрадным является то, что одновременно с русской литературой растет, крепнет, достигает новых высот литература братских народов нашей страны. Значительные произведения на темы послевоенного строительства создали за последнее время писатели-украинцы Д. Ткач и И. Рябоклячa, белорусские — М. Последович и Т. Хадкевич, латвийская писательница А. Саксе, казахские — С. Муканов и Г. Мустафин, азербайджанские— Мехти Гусейн и М. Сулейманов и многие другие.

Развернувшиеся в послевоенный период дискуссии по вопросам философии и биологии способствовали победе марксистско-ленинских материалистических принципов также и в литературоведении, и в науке о языке.

Многое достигнуто, но еще больше предстоит сделать. В память каждого советского литератора, каждого работника искусств глубоко запали слова товарища А. А. Жданова: «Если феодальный строй, а затем буржуазия в период своего расцвета могли создать искусство и литературу, утверждающие становление нового строя и воспевающие его расцвет, то нам, строю новому, социалистическому, представляющему из себя воплощение всего, что есть лучшего в истории человеческой цивилизации и культуры, тем более по плечу создание самой передовой в мире литературы, которая оставит далеко позади самые лучшие образцы творчества старых времен».

Окрыленные высокой оценкой, прозвучавшей в докладе товарища В. М. Молотова, советские писатели не должны и не могут успокоиться на достигнутом. Задача заключается в том, чтобы поднять советскую литературу на новую, невиданную высоту. Путь к этому—во все более глубоком, последовательном овладении методом социалистического реализма, в повышении идейности, большевистской партийности. Творческие дискуссии, усиление критики и самокритики в среде писателей, литературоведов и критиков должны стать могучим, постоянно действующим рычагом борьбы за расцвет советской литературы.

Борьба за идейность и большевистскую партийность неизменно сопровождается повышением требовательности в отношении художественного мастерства. Партия требует от советских писателей произведений, которые превосходили бы все доселе созданное как по идейному богатству, чистоте, большевистской целеустремленности, коммунистической направленности, так и по художественной выразительности, доходчивости, убедительности и простоте языка. С небывалой силой звучат сегодня слова В. Г. Белинского: «Единосущность идеи с формой так велика в искусстве, что ни ложная идея не может осуществиться в прекрасной форме, ни прекрасная форма быть выражением ложной идеи».

Великая сталинская эпоха достойна великой, прекрасной литературы. И такая литература должна быть и будет создана советскими писателями, верными сынами своего народа, твердой поступью идущего вперед, к коммунизму, под направляющим руководством партии Ленина—Сталина.

ВОЛЯ БОЛЬШЕВИКА

Николай ВИРТА

За последние четыре года четыре раза я был за пределами советской страны,—и куда бы ни приезжал, с кем бы ни сталкивался, какие бы разговоры и споры ни вел, неизменно они оканчивались одним вопросом:

— Скажите нам, каков же он—советский человек? Какими качествами ума и души он обладает, чтобы совершать то, что вы совершаете у себя в стране? Приведите нам пример такого человека, расскажите о нем.

Это не праздное любопытство, возбуждаемое появлением нашего человека там, где о Советском Союзе и его людях ходит бесконечное количество противоречивых рассказов, легенд, былей и подлых небылиц. Человечество жадно слушает все, что касается жизни и строительства в нашей стране.

За рубежом вчитываются в книги советских авторов, работающих в области современной литературы, науки, философии. Мир с жадным интересом смотрит советские кинофильмы, и огромным успехом пользуются именно те картины, где раскрываются духовные качества советского человека. Пять недель подряд с экрана крупнейшего в Праге кинотеатра не сходил наш фильм «Сельская учительница», и билеты на эту картину заказывались за неделю вперед.

Мы справедливо говорим об ответственности каждого деятеля литературы и искусства перед современностью, перед народом, который, идя по пути Ленина и Сталина и строя **прекрасное**, хочет видеть **прекрасными** наши сочинения.

Раскрывая в сильных и светлых художественных образах величие человека социалистического общества и обогащая тем внутренний его мир, воспитывая в нем чувства достоинства и гордости за дела, совершаемые им, советские писатели делают огромнейшую работу.

«Наша литература, кино и другие виды искусства, — говорил тов. Молотов 6 ноября 1948 года, — все больше обогащаются такими произведениями, которые в своих образах раскрывают идейный смысл событий и работы людей советской эпохи. Подлинное искусство доходчиво и оставляет глубокие следы в сознании людей, и поэтому так велико значение теперешнего под'ема в советском искусстве для развития успехов в коммунистическом воспитании советского народа. Советское искусство проникает далеко за рубежи страны, освещая дела и дни нашей Родины, которые капиталистическая печать стремится скрыть или извратить в глазах трудящихся».

Правдивый, искренний и талантливый рассказ о настоящем советском человеке— будь он сделан в форме романа, пьесы, кинофильма — вдохновляет людей на борьбу за подлинное счастье. «Повесть о настоящем человеке» Бориса Полевого — одна из тех книг, которые способны, по словам Горького, «научить людей героизму», глубоко волновать сердца молодого поколения, зажигая благородный пламень любви к Родине, веры в будущее.

Повесть Б. Полевого широко известна нашему читателю, заслуженно завоевала его симпатии. Школьница Л. Ганиченко писала в своем сочинении: «Много раз до прочтения этой книги меня волновал вопрос о том, каким должен быть настоящий человек, человек сильный и истинно полезный Родине. И я себе составила вполне определенный образ такого человека, видя в нем идеал, к которому должна стремиться. Теперь у меня в руках была книга, в которой я думала найти подтверждение своим мыслям. И это предположение вполне оправдалось...»

Но не только от советских читателей мне приходилось слышать восторженные отзывы об этой книге. В Злине, в центре обувной промышленности Чехословакии, где во времена Бати найденная у рабочего советская книга была прямым предлогом для того, чтобы **навсегда** лишить его работы, где библиотечные полки были забиты пошлейшими англо-американскими детективами, в этом Злине сотни и тысячи людей в рубрике «Что вы хотите прочитать?» написали: «Повесть о настоящем человеке».

***

Теперь это произведение — люди, мир их мыслей, поступков, интересов—вся эта сложная и великая человеческая драма снова оживает перед нами на экране. Многие предсказывали Александру Столперу неудачу, уверяя, что повесть, так неотразимо сильно действующая при чтении, не может быть превращена в фильм; иные из киноэстетов уверяли, что фильм неизбежно будет скучным, что борьба человека с физическим недугом не есть сюжет для кино, что режиссеру и актерам не миновать впасть в натурализм... Все эти унылые предсказатели посрамлены: сценарист М. Смирнова, постановщик А. Столпер, оператор М. Магидсон, актеры создали произведение, которое не может не взволновать человеческое сердце, создали фильм, где все дышит настоящей правдой, где глубоко и проникновенно раскрыт пленительно-прекрасный облик нашего родного человека...

Советский летчик Алексей Мересьев, подбитый в воздушном бою, упал со своим самолетом на занятую врагом территорию, в лес. Восемнадцать суток на перебитых, обмороженных ногах он пробирался к своим. В чувстве советского патриотизма, в неугасимой ненависти к подлому врагу, в пламенной вере в победу — истоки беспримерного мужества этого человека. Как и в книге, обаяние Мересьева в фильме столь велико, что его переживания становятся как бы твоими переживаниями. Этот человек победил смерть, он заслужил то, чтобы исполнилось его благородное желание — снова летать, снова сражаться за Родину. Но врач бессилен выполнить его просьбу— «сохранить ноги». Вместе с героем мы чувствуем всю глубину постигшей его трагедии. Молодой разум Мересьева охватывают сомнения, его воля подвергается серьезному испытанию.

Но он не одинок. И если слабеет его вера в возможность дальнейшей борьбы, находятся люди, способные укрепить эту веру.

Комиссар Воробьев, участник гражданской войны, большевик умом и сердцем, сам будучи при смерти, помог молодому Мересьеву вернуться к жизни, к борьбе за свою, казалось бы, неосуществимую мечту. Он напомнил ему о мужестве Николая Островского, рассказал о русском летчике Карповиче, участнике первой мировой войны, который лишился одной ноги, но благодаря длительной тренировке смог снова летать.

—Ведь у него одной ступни не было, а у меня двух, — говорит Мересьев.

— Но ты же советский человек!

Ты — советский человек, — эти слова комиссара Воробьева ведут Мересьева по пути его подвига, он вспоминает их каждый раз, когда новые неожиданные препятствия возникают на этом пути. Мересьев несколько месяцев подряд, несмотря на страшные физические страдания, упорно тренируется и побеждает. Он снова поднимается в воздух, снова ведет бой с врагом, и, пережив с героем весь его путь к достижению мечты, как бы сам возвышаешься душой.

Из кинотеатра уходишь с таким чувством любви и нежности к Мересьеву, словно брат твой или безмерно любимый тобою человек, пройдя мучительный путь, стал еще более сильным, — и ты знаешь, что смело можешь опереться на его плечо, и оттого ты еще больше любишь его.

***

Можно было бы написать множество самых сердечных слов по поводу достоинств этого замечательного произведения, можно многое сказать и о том и о другом актере, о работе оператора — об этом уже писали и еще напишут.

Мне хочется говорить о чувствах, которые вызывает эта кинповесть.

Хорошо, как хорошо, что я живу среди **таких** людей, что вместе с ними забочусь и радуюсь, борюсь и побеждаю в нашем большом и благородном деле, как хорошо, что **такие люди** вокруг тебя, и ими полна твоя родная земля!

Вот о чем думаешь, когда в кинотеатре зажигается свет и занавес закрывает экран, и ты завидуешь тем, кто еще не смотрел фильм, и еще раз хочется пережить эти полтора часа волнений и страха за судьбу Мересьева. Совершенно забываешь, что Алексея Мересьева играет Павел Кадочников, и то, что ты забываешь об этом,—великая удача и успех актера.

Бывают фильмы, где зритель внимательно и с большим интересом следит за развитием сюжета. Наблюдает за игрой артистов, ни на минуту не забывая, что все это — игра авторского воображения, воплощенная на экране...

В фильме, о котором идет речь, это чувство почти ни разу не появляется. Веришь, что перед тобой — сама жизнь, забываешь обо всем на свете, кроме этого куска подлинной жизни, который захватывает, влечет, заставляет плакать и смеяться и желать быть таким же цельным в своих стремлениях, как Мересьев, — этот сын народа, сын великой сталинской партии, сын родной советской земли.

Хочется быть таким же мудрым, кристально чистым, как комиссар Воробьев, воплощенный Охлопковым с такой душевностью и обаянием. Вот настоящий большевик, который на фронте и в тылу, на войне и в мирное время, куда бы его ни послала партия,—до последнего дыхания верен ей. Воробьев суров и нежен, мудр и человечен. Он ясно видит путь вперед и умеет поставить на этот ясный путь человека, блуждающего в потемках сомнений и тоски, — так поставил на верный путь комиссар Воробьев и Мересьева и старшину Степана Ивановича...

Часто бывает, что два-три актера в фильме своим талантом заслоняют собою все окружающее, подавляют всех остальных. Этого не случилось в картине. Конечно, Кадочников превосходен, и зрители снова и снова от всей души полюбят его за его яркий талант. Но если бы он был один, если бы речь шла только о Мересьеве, о его исключительной силе духа и воли, которую иначе как большевистской назвать невозможно, была бы решена только часть задачи. Всё дело именно в том, как все те, кто окружает Мересьева в дни его несчастья, помогают ему снова стать на ноги и в буквальном и в символическом значении этой фразы. А. Столпер именно тем и победил, что сосредоточил свой талант постановщика на среде, в которую попадает Мересьев. И не только комиссар Воробьев или врач-хирург (артист А. Дикий), но и все прочие, каждый какой-то стороной своего характера, возвращают Мересьева к жизни, к делу, к борьбе.

Цельность замысла в экранизации повести Б. Полевого нашла свое выражение в удивительной гармонии характеров, в совокупности своей создавших образ действительно настоящего советского человека. Вспомним ли мы Бабочкина, который в маленькой роли снова показал нам свое мастерство, вспомним ли мы Свердлина в роли командира летной части, нежную и заботливую сестру — Тамару Макарову, Целиковскую, очаровательную в роли девушки, которая учит Мересьева танцовать, Меркурьева, Хохрякова, Грибкова, — все они не играют в фильме, а живут, потому что в нем невозможно просто играть, невозможно, ибо этот фильм — сама правда, сама жизнь.

И что еще хорошо, что прекрасно в картине: постановщик в ней как бы «отсутствует», словно настоящий подвиг Мересьева и мир людей вокруг него снял невидимый для всех оператор.

Эта картина реалистична, солнечна, она вселяет веру в нашу жизнь, в победу наших идей, в то, что такие люди, как герои этой повести, не могут остановиться в своем движении вперед ни перед какими трудностями.

Это великое, непобедимое коммунистическое племя!

«Повесть о настоящем человеке». Художественный фильм по одноименной повести Б. Полевого. Сценарий М. Смирновой. Постановка А. Столпера. Гл. оператор М. Магидсон. Художник И. Шпинель. Композитор Н. Крюков. Производство киностудии Мосфильм. 1948 г.

НАУКА НА СЛУЖБЕ ОХРАНЫ ТРУДА

Десятки научно-исследовательских институтов нашей страны, сотни советских ученых заняты улучшением условий труда рабочих. В частности, большое научное и практическое значение имеют работы научно-исследовательских институтов ВЦСПС по охране труда.

Член президиума ВЦСПС тов. Н. Гайсенок сообщил сотруднику «Литературной газеты» о том, что сделано этими институтами за последнее время.

В Свердловском институте охраны труда недавно разработан способ наиболее полного удаления газов и пыли на алюминиевых заводах. В одном из корпусов алюминиевого завода, по предложению научных сотрудников института, были установлены постоянные газоотсосы, действующие при помощи вытяжных вентиляторов. Это в 5—7 раз уменьшило концентрацию вредного для здоровья газа.

Внимание сотрудников Ленинградского института привлек труд котлочистов на электростанциях. Здесь очередная чистка и аварийный ремонт топок котлов проводились при температуре от 60 до 70 градусов. Как показало обследование, у котлочиста, работающего с большим физическим напряжением, уже в первые десять минут температура тела повышалась до 38—39 градусов. На организме рабочего сказывалась и загрязненность воздуха горячей пылью.

Ученые облегчили труд котлочистов. В институте была сконструирована портативная вентиляционная установка, которая в два раза снижает температуру воздуха на рабочем месте и в десять раз—содержание горячей пыли.

Практическую ценность представляют новые стационарные и переносные приборы для быстрого определения малых концентраций различных газов в воздухе производственных помещений. Несложные по конструкции и очень простые в обращении, эти приборы позволяют принимать своевременные меры, ограждающие рабочих нефтяных и других предприятий от профессиональных заболеваний.

Широкое применение найдет созданное институтом приспособление для очистки корпуса судов,—оно вытесняет тяжелый и вредный для здоровья ручной труд. Это приспособление принято для серийного производства и внедряется в судостроительной промышленности.

Облегчая труд рабочих крупных горячих цехов, научные сотрудники Московского института решили ряд проблем естественной вентиляции и устройства воздушных душей.

Значительное место в работе этого института занимают вопросы техники безопасности. Здесь разработаны десятки конструкций оградительных и предохранительных устройств, приспособлений и безопасного инструмента.

Научные работники Ивановского института охраны труда нашли новый эффективный способ мокрого прядения льна с применением водной эмульсии из сосновой смолы. Этот способ прядения значительно улучшает санитарно-гигиенические условия труда и внедрен сейчас на льняных фабриках РСФСР.

— Я перечислил только некоторые работы научно-исследовательских институтов охраны труда, — сказал в заключение тов. Гайсенок. — Советские ученые плодотворно работают над решением важной задачи, записанной в Законе о пятилетнем плане: «Провести мероприятия по дальнейшему улучшению условий труда на производстве». С помощью ученых эти мероприятия проводятся во все возрастающих масштабах.

Педагоги степных аулов

Нынешней осенью из степных аулов прибыло в Актюбинск сто семьдесят девушек-казашек. Они приняты на первый курс открытого недавно здесь женского учительского института.

Министр просвещения Казахской ССР тов. Сембаев сообщил сотруднику «Литературной газеты»:

—Учительский институт в Актюбинске— это третье в Казахской ССР специальное учебное заведение, готовящее педагогов-казашек. В алма-атинских женских учительском институте и педагогическом училище занимаются сейчас около восьмисот студенток, преимущественно уроженок отдаленных районов республики. Институт в этом году дал первый выпуск. 70 молодых учительниц возвратились в родные аулы и преподают там в сельских школах.

До Великой Октябрьской социалистической революции в Казахстане на тысячу человек приходилось едва двадцать умеющих читать и писать. Ныне Казахская ССР — республика сплошной грамотности. В 8500 ее школах в этом году за парты село 1.092.000 школьников. Их преподают 48 тысяч учителей, в том числе 18 тысяч **казахов и казашек.**

Дневник Д. И. Менделеева

Дочь Дмитрия Ивановича Менделеева — Мария Дмитриевна — передала недавно Институту истории естествознания Академии наук СССР обширные материалы о жизни и деятельности великого русского ученого. Эти материалы, относящиеся к началу 60-х годов прошлого столетия, представляют большой интерес для характеристики Д. И. Менделеева в первый период его научной деятельности.

Среди материалов — об'емистая рукопись, так называемый «Гейдельбергский дневник» Менделеева 1861 года. В «Дневнике» отражен последний период пребывания Менделеева в Гейдельберге, где им была выполнена работа, относящаяся к капиллярным явлениям и приведшая к замечательному открытию «критической температуры», или «температуры абсолютного кипения», как ее назвал великий ученый.

В «Дневнике» описаны также первые месяцы пребывания Менделеева в Петербурге после его возвращения из Европы. Он был тогда доцентом Петербургского университета без оклада и зарабатывал деньги уроками. Это время было тяжелым для ученого. Он крайне нуждался, так как задолжал во время командировки своим друзьям значительную сумму.

Наиболее замечательный труд Менделеева за этот период — оригинальный «Курс органической химии», вызвавший огромный интерес у русских и зарубежных ученых. Этот капитальный курс Менделеев написал за несколько месяцев. «Дневник» содержит подробные записи о работе ученого над главами этого труда.

Подробно описаны также студенческие волнения в Петербургском университете, происходившие в конце сентября и начале октября 1861 года.

Помимо «Дневника», Институт истории естествознания получил несколько писем Менделеева и другие документы.

«Дневник» и другие материалы подготавливаются к печати доктором химических наук проф. Н. Фигуровским и проф. П. Лукьяновым. Они будут опубликованы во втором томе «Научного наследства».

КОЛХОЗНЫЕ АРХИТЕКТОРЫ

Новочеркасский архитектурно-планировочный техникум выпустил первую группу техников-архитекторов для сельской местности. В течение четырех лет учились здесь молодые колхозники. Они знакомились с историей архитектуры, учились рисованию, лепке, изучали орнаменты, архитектурное черчение, основы планировки и озеленения и т. д.

Недавно новый отряд молодых специалистов раз'ехался по сельским районам Российской Федерации. Техник-архитектор В. Острецова — в прошлом работница зерносовхоза «Гигант» — направлена в Сальский район Ростовской области, техник-архитектор Т. Ремизова — в Крымскую область. Н. Кибалов, окончивший техникум с отличием, назначен преподавателем Верхнеуральской одногодичной школы мастеров колхозного строительства.

Кроме Новочеркасского техникума, созданного еще в годы войны, сейчас организованы и уже провели набор архитектурные отделения в Калачеевском техникуме Воронежской области и в Новороссийском строительном техникуме. В 1951 году будет выпущено 200 колхозных архитекторов.

Огромный размах строительства в колхозах потребовал массовой подготовки квалифицированных специалистов десятков новых профессий. В РСФСР организовано 20 одногодичных школ, которые выпустили 2.000 десятников колхозных строительных бригад, планировщиков, механиков, экономистов, мастеров кирпичного дела. Более 80.000 специалистов — каменщиков, кровельщиков, плотников, столяров, печников— подготовлено непосредственно в колхозах.

На Пулковском холме

Научные работники Главной астрономической обсерватории в Пулкове после войны закончили и выпустили в свет фундаментальный «Астрографический каталог 11.322 звезд». В печати сейчас находится несколько других научных трудов, в том числе «Каталог геодезических звезд».

— Коллектив Пулковской обсерватории, — сообщил сотруднику «Литературной газеты» ее директор, член-корреспондент Академии наук СССР А. Михайлов,— работал в течение последних лет вне своей постоянной базы. Здание обсерватории и значительная часть ценных инструментов были уничтожены немецко-фашистскими захватчиками. Еще в годы войны правительство решило восстановить обсерваторию на прежнем месте, и теперь на Пулковском холме идет интенсивное строительство. В восточном и западном корпусах главного здания ведутся отделочные работы. Первая очередь строительства будет завершена к 1951 году. Когда будут полностью окончены восстановительные работы, Главная астрономическая обсерватория Академии наук СССР значительно расширится в сравнении с довоенным временем; она станет одной из крупнейших и наиболее технически оснащенных в мире.

Научная работа в Пулкове уже началась. Здесь воздвигнуто несколько специальных павильонов, установлены астрономические приборы. Возобновила свою деятельность «служба широты». С помощью большого зенит-телескопа ведутся регулярные наблюдения над движением земных полюсов. Эта работа имеет большое практическое значение для геодезистов при определении географических координат. В одном из павильонов установлен нормальный астрограф — прибор, который служит для определения с помощью фотографии собственных движений звезд.

Через несколько месяцев, по окончании восстановления большого солнечного телескопа системы советских конструкторов Н. Пономарева и Д. Максутова, возобновится деятельность нашей «службы солнца». Вступит в строй один из основных инструментов обсерватории — вертикальный круг, что позволит вновь начать наблюдения над точным положением звезд. Эта работа является ценным вкладом в мировую науку.

Пулковская обсерватория обогатится новым специальным инструментом оригинальной советской конструкции для регулярного фотографирования звезд, окружающих «полюс мира», — небесную точку, к которой направлена земная ось. Эти фотографии послужат для точного определения колебаний земной оси и отклонений лучей света, вызываемых движением земли вокруг солнца.

По Советскому Союзу

ХРОНИКА КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ

◆ **Ленинград.** Новые учебники для народов Крайнего Севера выпустил Институт языка и мышления Академии наук СССР. Вышли в свет «Очерки по синтаксису нанайского языка» В. Аврорина, «Очерки по синтаксису чукотского языка» П. Скорик, программы по ненецкому и эскимосскому языкам для начальных школ.

◆ **Минск.** Государственное издательство республики выпустило в свет серию избранных произведений белорусской советской литературы. В серию вошли лучшие произведения белорусских писателей и драматургов: Я. Купалы, Я. Коласа, З. Бядули, Э. Самуйленка, А. Кулешова, К. Крапивы, М. Танка, П. Бровко, М. Лынькова, П. Глебко, П. Панченко и других.

◆ **Иваново.** Здесь закончился конкурс на лучшую песню, воспевающую труд текстильщиков. Композиторы и поэты Ивановской области представили на конкурс 42 музыкальных произведения. Одиннадцать лучших песен отобраны жюри конкурса. Премиями отмечены марш «Молодые ткачи», песня «Пучеж-городок» (авторы Двойрин и Кочнев) и песня «Ткачиха» (авторы Федоров и Семеновский).

◆ **Ташкент.** Союз советских писателей Узбекистана и Государственное издательство республики готовят к 150-летию со дня рождения А. С. Пушкина двухтомник произведений поэта на узбекском языке. Отдельным изданием выйдут сказки А. С. Пушкина.

◆ **Ереван.** В девять раз больше, чем в прошлом году, издано в Армении произведений русских классиков и советских писателей на армянском языке. Вышли в свет сочинения Пушкина, Лермонтова, Тургенева, Короленко, Чехова, Льва Толстого. Изданы произведения советских писателей, удостоенных Сталинской премии— «Ветер с юга» Э. Грина, «Повесть о настоящем человеке» Б. Полевого, «Спутники» В. Пановой. Значительно увеличено издание книг для детей и юношества.

ГРАЖДАНЕ НОВОГО МИРА

М. АЛИГЕР

«Мы живем в стране, где рабочий класс поставил перед собой трудную и прекрасную цель: уничтожить все условия, искажающие людей с детства. Мы боремся за действительную свободу человека, возможную лишь тогда, когда исчезнут все причины зависти, жадности, вражды, и мы твердо знаем, что эти причины могут быть и будут уничтожены». Так писал Алексей Максимович Горький в 1932 году, в том году, когда была досрочно выполнена первая сталинская пятилетка.

Это было шестнадцать лет тому назад; шестнадцать лет в нашей стране и в наше время — это огромный срок: самым молодым строителям первой пятилетки, тем, кого зовут у нас ровесниками Октября, сейчас уже за тридцать, и дети их — школьники и пионеры. А ровесники первой пятилетки — нынешние восемнадцати-двадцатилетние — чудесная советская молодежь нашего сегодня. Она выросла и возмужала в стране, которую каждый рабочий день неуклонно приближает к вдохновенной и прекрасной цели — к коммунизму. Вся наша увлеченная работа на благо Родины утверждает человеческое величие советских людей, их моральное превосходство над людьми того обреченного мира, где превыше общественного блага и всенародного счастья ставится свое, отдельное и изолированное, крохотное благополучие.

У нас на глазах происходит бесконечно важное явление: коммунизм, его зримые приметы становятся в нашей повседневной жизни осязаемыми, конкретными и материальными. Нам, поэтам, уже нельзя говорить о коммунизме тем условным поэтическим языком, которым злоупотребляет поэзия в тех случаях, когда еще не может найти для новых предметов новый, точный и по-настоящему поэтический язык.

Приближение наше к коммунизму становится материально ощутимым с каждым рабочим днем: коммунизм — это реальный, зримый, завтрашний, а в чем-то и нынешний день нашего народа, со всеми его трудностями и радостями, препятствиями, упорным трудом и, в конечном счете, новой победой. И писать о коммунизме—это значит писать об этом дне, писать правдиво и глубоко, вглядываясь во все его отличительные черты, ничего не просматривая и не упуская из виду.

***

Есть процессы, которые невозможно определить вне реакции, производимой ими в определенной среде. Когда, активно и повседневно участвуя в жизни, вместе со временем растешь и меняешься, трудно разглядеть вокруг и в тебе самом те изменения, те новые черты, которые появляются во времени, потому что они присущи и тебе, потому что ты — не сторонний наблюдатель. Но стоит вглядеться попристальнее в жизнь, т. е. в людей, которых эта жизнь творит и которые творят ее, и ты сразу же обнаружишь эти изменения, эти новые черты.

Взять, к примеру, огромную историческую задачу согласования личного и общественного, этих двух, некогда непримиримых, сторон человеческого существования. Об этом много думали и спорили, этому было посвящено немало взволнованных страниц в нашей литературе.

Недавно из доклада секретаря ЦК ВЛКСМ тов. Н. Михайлова на торжественном заседании, посвященном тридцатилетию ленинско-сталинского комсомола, мы узнали следующие данные о трудовой жизни советской молодежи:

«Более 450 тысяч молодежи работают в счет 1950 года и более 100 тысяч — выполнили нормы пяти и более лет».

Наверное, эти полмиллиона советских юношей и девушек сумели бы горячо и убедительно поспорить с тем, кто попытался бы утверждать, что эта их героическая и вдохновенная работа не является их личной жизнью!

Мне случилось в этом году быть на заседании выездной сессии народного суда в одном из крымских колхозов. Суд рассматривал дело о бракодельщице — молодой девушке, явно саботирующей, не желающей работать. Для этой девушки ее нехитрое личное — возможность что-то перекупить и перепродать в ближайшем колхозу приморском городке, — было дороже и интереснее, чем окучивание колхозного винограда. По этому вопросу выступало много молодых колхозников, в большинстве своем это были лучшие люди колхоза, добившиеся в работе невиданных до сих пор показателей. Все они отличные ораторы, очень ясно и точно выражающие свои мысли.

В их выступлениях особенно поражали сдержанность, спокойствие, уверенность в том, что и без помощи этой девушки они во много раз перевыполнят планы сдачи государству табака и фруктов. Бросалась в глаза их почти брезгливая от'единенность от этой девушки, недоумение и непонимание того, что это за человек. Она была им чужда и неприятна, некоторые почти физически отшатывались от нее, не умея и не желая скрывать этого. Я заметила, как обвиняемая начала постепенно ощущать это и как она испугалась. Лучше бы они кричали на нее, поносили ее, возмущались и негодовали; сила презрения оказалась страшнее всего, потому что от нее нечем было защищаться. Огромное трудовое море выбрасывало ненужный ему обломок давно разбитого корабля, для того чтобы обточить и обработать его своими волнами и снова сделать на что-нибудь пригодным.

***

Все растет и углубляется интерес молодежи к вопросам морали, и интерес не абстрактный, а очень конкретный.

В одной московской женской школе, после того как был проведен диспут о коммунистической морали, целиком основанный на литературных примерах, девушки потребовали продолжения диспута с тем, чтобы поговорить о себе, о своих недоумениях, затруднениях и отдельных поступках. Они хотят знать моральную цену себе для того, чтобы решить, достаточно ли она высока для тех, кто идет к коммунизму.

Все органичнее и сознательнее становится чувство коллектива: чья-то одна двойка переживается всем классом. Любопытно то, что совсем выходит из употребления слово «неспособный». Способности бывают индивидуальные, у одного — к точным наукам, у другого — к гуманитарным. Это естественно, и с этим считаются, но вообще «неспособных» нет и не может быть, если точно выяснить, чего человек не понимает, и раз'яснить ему это. Именно в этом задача лучших учеников класса. Все глубже понимание того, что значит долг перед народом, чувство ответственности перед ним; все яснее становится сознание того, что все, идущее на пользу обществу, на пользу родному народу, — морально, и самое понимание этого делает молодых людей глубже, одухотвореннее, значительнее.

***

Наши дети с самого малого возраста очень глубоко ощущают, в чем причины их счастливого свободного детства, кому и чему они должны быть за него благодарны. Очень остро чувствуют они то, что человечество разделено на два лагеря и что люди из этих лагерей — это не равноценные люди.

Одной маленькой девочке, очень гордой тем, что она родилась в тот вечер, когда в Москве был произведен первый салют, мать настойчиво внушала, что для человека самое большое слово — это честное слово, и девочка как-будто бы твердо усвоила это. Прошло некоторое время, и однажды девочка в каком-то разговоре заявила, что честное слово — маленькое слово.

— Как же так? — огорчилась мать.— Ведь я об'ясняла тебе, что это самое большое слово для человека.

— Большое-то оно большое, — возразила девочка, — но... — Об'яснить свою мысль ей было очень трудно, но вдруг она решительно спросила: — А буржуй может дать честное слово?

— Может, — пришлось признаться матери.

— Вот видишь, значит, оно не большое слово, не самое большое. А вот честное октябрятское, честное пионерское, честное комсомольское и честное коммунистское— это самые большие для человека слова, их никакой буржуй дать не может.

Истинно новое, ясная сущность этих подрастающих граждан нового мира—еще одна зримая примета нашего неуклонного приближения к коммунизму.

***

Великие художники всех времен любили работать над образом молодого героя, потому что в нем черты времени сказываются с предельной четкостью и выразительностью. Мне кажется весьма знаменательным то, что современная буржуазная литература не создает молодого героя, вернее сказать, тот, кого она изображает, может быть назван скорее продуктом своего времени, чем героем своего времени, ибо каков бы ни был его возраст, он неизбежно наделен всеми чертами самой мрачной и безнадежной старости, точнее — дряхлости.

Горький сказал о нашем молодом герое: «...он прост и ясен так же, как велик, а велик он потому, что непримирим и мятежен гораздо больше, чем все Дон-Кихоты и Фаусты прошлого». Но находятся еще такие подслеповатые глаза, которые вместо этой величественной простоты и ясности видят в нашей молодежи «упрощенность». Они хотели бы увидеть в ней «психологическую сложность» в духе героев Достоевского, о которой Горький говорил: «сложность — печальный и уродливый результат крайней раздробленности «души» бытовыми условиями мещанского общества, непрерывной мелочной борьбой за выгодное и спокойное место в жизни. Именно «сложностью» об'ясняется тот факт, что среди сотен миллионов мы видим так мало людей крупных, характеров резко определенных, людей, одержимых одной страстью — великих людей».

В наше время мы все чаще и чаще сталкиваемся с крупными людьми; мы узнаем их новые имена каждый день из каждого нового номера газеты; мы знакомимся с ними в каждом человеческом коллективе, в каждой области труда, науки, культуры.

И тут, мне кажется, следовало бы поспорить с одной тенденцией, имеющей место в наших разговорах о лучших людях, о наших героях. Мы очень любим, говоря о них, подчеркивать то обстоятельство, что это, собственно, ничем не примечательные, самые обыкновенные, простые люди, такие же, как сотни и тысячи других людей. Это, по существу, глубоко верно, но мне кажется, что тут надо переставить акцент и не пытаться уверить людей в том, что герои, по сути дела, ничем не примечательны, что в их подвигах, боевых и трудовых, нет ничего особенного. Вопрос следует ставить иначе, говоря полным голосом о тех прекрасных чертах, которые отличают героя нашего советского времени, людей сильных характеров, крупных людей, — прежде всего, от людей прошлого и от людей капиталистического мира, а затем и от тех их современников, которые еще в силу некоторых непреодоленных черт характера, унаследованных от старого мира, мельче и тусклее нашего времени. И нужно настаивать не на том, что в герое нет ничего особенного, что он такой же, как тысячи других, а на том, как и чем он велик и крупен. Таких крупных и значительных характеров в нашем народе много и будет все больше и больше, потому что в коммунистическом обществе все люди, живущие полноценно и активно, в нераздельной связи со временем, должны быть и будут людьми крупными, людьми сильных и резко определенных характеров, людьми большой воли. Именно так воспитывается наша молодежь, именно так растет и формируется в нашем обществе новый человек.

Наш большой и сильный народ, охваченный одним порывом, идущий к одной великой цели, — это и есть новое человечество.

Против идеализма в физике

Вл. ЛЬВОВ

Еще в довоенные годы некоторые советские физики с усердием, достойным лучшего применения, принялись популяризировать и развивать реакционнейшие выверты зарубежных квантовых теоретиков.

Вот как, например, излагает профессор Я. И. Френкель в своей книге «Волновая механика» основы теории атома. Каждый электрон, по идее Я. И. Френкеля, существует не в одном лице, а... сразу в большом числе «экземпляров»! «Экземпляры, — пишет Я. И. Френкель, — заполняют пространство... так... что число их не только бесконечно, но и неисчислимо...» (стр. 215). Сравнительная густота этой толпы «материализованных духов» (как называет Я. И. Френкель изобретенные им «экземпляры») и дает вероятность нахождения электрона в данном месте пространства. Как же это понять?! Выходит, что один сверхмельчайший электрон «присутствует», наподобие вездесущего господа бога, сразу во всех точках пространства! Так, из мира физики нас переносят в мир мистики.

«Положение электрона, — читаем в вышедшем в 1947 году курсе физики для вузов [1],—имеет смысл определять лишь в пределах соотношения неопределенностей...» «Разумно лишь ставить вопрос о том, какова вероятность пребывания электрона в той или иной точке атома, как она распределена в пространстве» (стр. 628).

«Сама природа материи, — сообщает автор еще одного вузовского учебника проф. Э. Шпольский, — кладет предел точности» (локализации электрона. — В. Л.)[2].

Но может ли итти речь о каком-то «пределе» для локализации заряда, массы и энергии электрона? Ведь тот факт, что уравнения микромеханики в ее современном виде дают возможность вычислять только вероятность локализации микрочастиц, лишний раз свидетельствует о компромиссном, ограниченном характере квантовой теории на нынешней ступени ее развития.

Столь же мало убедительны и ссылки «физических» идеалистов на то, что акт наблюдения с помощью прибора, «сбивая» микрочастицу с ее места, якобы делает «принципиально невозможным» уточнение положения этой частицы в пространстве и во времени.

Ведь самый акт взаимодействия частицы с прибором разыгрывается в пространстве и во времени. И раз так, тогда в любое мгновение—до, и после, и в момент взаимодействия — заряд (а также масса и энергия) частицы должен иметь совершенно точное и обозначенное положение в пространстве и во времени. И так как пространство и время бесконечны во всех направлениях, не может быть никаких пределов для локализации микрооб'ектов с любой степенью точности.

Отрицать это — значило бы скатиться к отрицанию об'ективной реальности пространства и времени как коренных условий бытия всякой материи.

В 1947 году именно такое теоретическое сальто-мортале совершил на страницах журнала «Вопросы философии» профессор М. Марков. Выступление его уже встретило решительные возражения со стороны передовой части советских физиков и философов.

М. Марков, однако, имеет единомышленников. Раскрываем «Ученые записки» (серия философских наук), издаваемые Ленинградским университетом. В первом выпуске этих «Записок» за 1947 год напечатана статья доцента В. Свидерского: «Два направления в современной атомной физике по вопросу о пространстве и времени».

О каких же «двух направлениях» идет тут речь? Естественно, что от статьи, апробированной философским факультетом одного из крупнейших университетов страны, читатель вправе ожидать партийного, марксистско-ленинского анализа тех двух действительно важных и решающих направлений, между которыми идет непримиримая борьба в теоретической физике.

Борьба идет вокруг вопроса о полной и неограниченной познаваемости бытия атомных частиц в пространстве и во времени. Но в статье В. Свидерского нет даже намека на анализ этой борьбы.

Зато имеется чисто об'ективистский «пробег» по заграничным «точкам зрения», включая даже высказывания самых ничтожных и никчемных буржуазных формально-математических писак.

Преклоняясь перед лидерами «копенгагенской» буржуазно-физической школы, принципиальными врагами материализма, авторы статей, печатавшихся в «Вопросах философии» и в «Ученых записках» Ленинградского университета, прибегают к обычному в таких случаях камуфляжу: они драпируют свои «концепции» в марксистские и диалектические одеяния...

Напрасный труд! Этот маневр будет разоблачен. Советская научная общественность вскроет также глубоко лежащую (и практически вреднейшую) суть идеалистических взглядов этой теоретической «школы» и ее трубадуров. Смысл их учения состоит в так называемом «математическом формализме» и «символизме».

Сущность математического формализма в физике еще сорок лет назад была гениально вскрыта В. И. Лениным: «Материя исчезает», остаются одни уравнения».

Беспощадная борьба с реакционным идеализмом и формализмом ведется сегодня в нашей стране на всех участках культурного фронта. Идеализм и формализм означают срыв, торможение прогресса науки.

Идеалистические и формалистские концепции в теории атома представляют собою не что иное, как предельческие концепции!

«Полной, замкнутой теорией», дающей чуть ли не идеальную гармонию «между теорией и мыслимым экспериментом», провозглашает квантовую механику профессор М. Марков («Вопросы философии» № 2, 1947 г., стр. 167). «...Тезис, утверждающий, что «макроскопический» язык недостаточен для выражения... микро-закономерностей»,—по мнению М. Маркова, ложен (там же, стр. 173). То-есть, всякая попытка дальнейшего расширения и усовершенствования теории атома с целью устранения из нее тумана «неопределенностей» заранее об'является под запретом.

Подобное «вето» было впервые наложено на материалистическую физику организаторами атомного конгресса в Комо. В течение двух десятилетий, как видим, копенгагенские мастера и раболепствующие перед ними профессора из числа советских физиков держат атомную теорию в тугом корсете «полных» и «замкнутых» квантово-механических описаний!

Последние гигантские достижения физики в области освобождения атомной энергии, изучения космических лучей и т. д. — все это осуществлено не столько благодаря, сколько вопреки нынешнему уровню теории. Эти успехи достигнуты в значительной степени «ощупью», как это и признают все крупнейшие современные физики-экспериментаторы.

Вытекающие из всего сказанного выводы для советской физики ясны. Необходимо вывести квантовую физику из состояния «неопределенностей» на дорогу точного и однозначного описания явлений атомного мира. Необходимо до конца разоблачить «физический» идеализм. Необходимо разбить агностическое утверждение, что «неточность» и «неопределенность» в поведении атомных частиц являются принципиально неустранимыми, обусловленными некоей «особой ролью прибора». Необходимо развивать дальше квантовую теорию вопреки утверждению физиков-идеалистов и их апологетов, что она является «полной и замкнутой».

Только ученые советской социалистической страны, руководствуясь великими принципами диалектического материализма, способны вывести теорию строения вещества из той трясины, в которую ее загоняют «физические» идеалисты всех мастей.

[1] «Курс физики», том II.

[2] «Атомная физика». Гостехиздат. 1934.

Сорняки низкопоклонства

Проф. А. ДОБРЯНСКИЙ

Техническая книга глубоко и прочно вошла в обиход десятков миллионов советских людей. Спрос со стороны трудящихся города и деревни на техническую книгу—притом на книгу основательную, специальную, а не только на популярную брошюру,—растет из года в год.

Все это обязывает авторов технических книг и учебников (а также переводчиков зарубежной технической литературы) особенно заботливо относиться к чистоте нашего технического языка, способствовать его дальнейшему развитию сообразно с правилами русского языкосложения, оберегать его от неумеренного введения иностранных терминов и наименований.

Между тем, в этом отношении дело обстоит далеко не благополучно.

Когда в нашей печати заходит речь о необходимости оберегать родной язык от порчи и засорения, то имеется обычно в виду язык художественной литературы или газеты, редко — язык научной книги, и почти никогда не говорится о языке книги технической. Предполагается, видимо, что передача технических знаний невозможна иначе, как при посредстве специального «шифра» — вроде аптекарской латыни, не имеющего никакого отношения к нашему живому, прекрасному, могучему русскому языку.

Если даже иной ревнитель чистоты родной речи и повстречает на страницах технической книги разительный образец подобной тарабарщины, он не ощутит при этом ни возмущения, ни желания исправить зло: что поделать, решит он, вероятно, иначе нельзя.

Я со всей ответственностью утверждаю: можно и нужно иначе!

Какую бы область человеческого мышления мы ни взяли, всегда имеется только один достойный способ изложения предмета, передачи знаний от человека к человеку: использование всего богатства родного языка и заложенных в нем возможностей. Надо ли говорить, как неиссякаемо богат и гибок наш родной язык, не знающий себе равных в мире! Это не могли не признать даже иностранцы. «Русский язык,—писал Проспер Мериме,—насколько я могу судить, самый богатый из всех европейских языков, он как будто создан для выражения тончайших оттенков...»

Наша технология до сих пор несет на себе скверное наследие в виде терминологии, завезенной к нам иностранными концессионерами и акционерными компаниями, которым царское правительство без зазрения отдавало на откуп целые отрасли промышленности. Немалую роль в засорении технического языка сыграло также рабское преклонение дореволюционных официальных кругов перед заграничной техникой, хотя русская инженерно-техническая мысль всегда опережала в решающих областях мировую технику.

Сейчас, когда борьба с позорными пережитками низкопоклонства перед иностранщиной стала в нашей стране всенародным движением, вопрос об очищении нашего технического языка от чужеродного языкового материала должен быть поставлен и решен во всем своем об'еме. К этому обязывает нас и давно назревшая необходимость сделать технический язык наиболее доступным и понятным для широких масс.

Знакомая мне специальная техническая литература по вопросам нефти буквально пестрит такими словами, как «квенчинг», и даже «квенчингирование», «рисайклинг», «кулер», «прехитер», «риформинг», «хит-эксчейнджер» и т. д. Между тем квенчинг—это просто закалка, рисайклинг—кругооборот, кулер—холодильник, прехитер (не слишком уж это «прехитро»!) — подогреватель, риформинг — превращение, хит-эксчейнджер—теплообменник...

Немногим лучше и в других отделах технологии. Засорение русского языка в наших технических изданиях приобретает такие размеры, что зачастую делает этот язык просто непонятным. Надо быть уж весьма искушенным в таком своеобразном «шифре», чтобы сквозь сомкнутый строй мертвых, уродливых слов, не способных вызвать какое-либо смысловое или пространственное представление, пробиться к живому пониманию авторского текста.

Мы отнюдь не предлагаем из'ять из технического языка наименования, заимствованные из классических языков или имеющие историческую давность, например, мотор, вентилятор, трансформатор и пр. Подобные слова — неизбежный результат культурного общения, они имеются в каждом языке. Так, в ряде языков приняты многие наши наименования, как мазут, форсунка, остатки и другие.

Но чему, например, служит в нашей технической книге английский «рисайклинг», когда у нас имеется такое превосходное слово-образ, как «кругооборот»? Зачем требуется навязывать читателю «маунтан-вэкс», когда дело идет о самом обыкновенном «горном воске»?

Часто приходится слышать, будто бы введение иностранных наименований и определений способствует международному пониманию, что это создает некое подобие научно-технического «эсперанто». Во-первых, непонятно, как можно построить язык, «интернационализируя» одни подлежащие без сказуемых? А во-вторых—и это главное—почему должны мы пренебрегать развитием своей, русской научно-технической языковой культуры, имеющей богатейшее историческое прошлое и прочные традиции? Почему должны мы заимствовать у иностранцев, а не они у нас? Ведь наш приоритет в таких областях, как металлургия, железнодорожное дело, нефтяное, мостостроение, кораблестроение, авиация, ракетная техника и пр., засвидетельствован трудами Д. Чернова, Н. Жуковского, Л. Лутугина, А. Крылова, К. Циолковского и др.

Трудно усмотреть в бессмысленном и вредном тяготении авторов технических книг к чужим, чужеродным наименованиям что-либо иное, кроме вольного или невольного низкопоклонства перед иностранщиной.

Чтобы очистить наш технический язык от засорения чужеродным словесным материалом, необходимо привлечь к этому делу внимание всей нашей технической общественности. Было бы желательно, чтобы практический почин взяло на себя высшее научное учреждение нашей страны—Академия наук СССР, в составе которой, кстати сказать, числится специальный «комитет технической терминологии». К сожалению, этот комитет, проделавший уже большую работу по упорядочению технической терминологии, исходит в своей деятельности не из той установки, которая вызвала появление настоящей статьи...

А пока, мне кажется, во избежание дальнейшего засорения языка технической литературы, следует принять ряд предупредительных мероприятий. Прежде всего издательства не должны сдавать в печать рукописи, пока они не будут очищены от ненужной, а потому вредной иностранщины. Всегда лучше пользоваться несколько более расширенным описанием, чем иностранными терминами, с которыми у читателя не связаны никакие представления.

Надо также следить за чистотой русского языка в диссертационных работах, дипломных проектах, лекциях и учебниках. Эта важная воспитательная работа должна проводиться нашими высшими учебными заведениями, в которых полезно было бы создать соответствующие комиссии из лиц, известных безупречными в этом отношении литературными трудами. Подобная комиссия уже создана в Ленинградском технологическом институте, и ее работа дает положительные результаты.

Без сомнения, работу по очистке русского технического языка невозможно провести в короткие сроки. Но надо все время помнить, что грандиозный размах промышленного строительства, небывалый расцвет науки и техники в нашей стране обязывают нас неустанно развивать нашу собственную богатейшую техническую культуру и наш собственный, чистый, многогранный, красочный и точный русский технический язык.

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

КИНОФИЛЬМЫ НЕ СЛЫШАННЫЕ И НЕ ВИДЕННЫЕ

Пропаганда агрономических знаний, показ опыта передовых людей колхозной деревни приобретают сейчас огромное значение. Роль кино в этом деле трудно переоценить.

Миллионам колхозников нужны хорошие агротехнические и зоотехнические фильмы — подлинно научные по содержанию, яркие и наглядные по форме. Только кино с помощью микрос'емок, мультипликаций и т. д. может раскрыть зрителю мир не видимых простым глазом процессов, протекающих в глубине почв, в тканях и клетках растений и животных. А раз'яснение сущности этих процессов и есть одна из основных задач агротехнической пропаганды.

Такие фильмы не только способствуют повышению квалификации колхозников, но имеют большое значение для формирования их материалистического мировоззрения.

Нельзя сказать, что Министерство кинематографии СССР совсем не занимается созданием научно-популярных фильмов на сельскохозяйственные темы. В Главтехфильме за последние два года сумели преодолеть господствовавшее там долгое время пренебрежительное отношение к сельскохозяйственной тематике.

Содружество опытных сценаристов, режиссеров и консультантов — специалистов сельского хозяйства — дало возможность создать за последние три года более 50 сельскохозяйственных фильмов, интересных не только по теме, но и по своему кинематографическому решению. Таковы, например, «Повесть о жизни растений», «Преображенная земля», «Травопольная система земледелия» и многие другие.

Но создать фильм — еще не значит сделать его достоянием зрителя. Еще нужно размножить его, или, как говорят кинематографисты, «тиражировать».

«Тиражированием» занимается Главкопирфильм. Научно-популярные фильмы он умудряется печатать годами и выпускать в прокат «по чайной ложке».

Благодаря такой системе работы, очень нужная и удавшаяся картина «Преображенная земля» была выпущена за два года только в 40 копиях.

Прошло два года и со времени изготовления «Повести о жизни растений». Фильм появился на экранах Москвы и Ленинграда, успел завоевать первое место на всемирном кинофестивале 1947 года в Венеции и получить первую премию Всеславянского сельскохозяйственного конгресса в 1948 году в Праге, но до сих пор его еще не видели ни специалисты сельского хозяйства, ни колхозники. Главкопирфильм изготовил всего 26 копий.

К сожалению, главная беда не только в малых тиражах и сроках их изготовления, а в том, что фильмы не показывают колхозному зрителю. И это самое сложное препятствие создает Главкинопрокат.

Работники этого учреждения по совершенно непонятным соображениям стараются убедить всех в том, что сельскохозяйственный фильм нельзя демонстрировать в колхозе самостоятельно, что там он в лучшем случае может служить только приложением к художественной картине и должен быть предельно краток.

Сплошь и рядом механики кинопередвижек, получая на базе вместе с художественной картиной сельскохозяйственную, демонстрируют только художественную и «экономят» время еще для одного сеанса.

В колхозе имени Кирова — лучшем колхозе Горьковской области — за зиму 1947/48 года состоялось 72 киносеанса. Но сельскохозяйственных фильмов колхозники не видели.

На областном агрономическом совещании в Туле в марте этого года показ сельскохозяйственных фильмов был полным откровением для многолюдного собрания агрономов. Только здесь они впервые узнали о существовании таких фильмов. Не лучше обстоит дело и в Рязанской области.

Как это ни странно, Главное управление кинофикации, которое руководит всей киносетью периферии, занимает такую же вредную позицию в отношении сельскохозяйственных фильмов, как и Главкинопрокат.

Е. ОСЛИКОВСКАЯ,
нач. бюро агрозооветпропаганды Министерства сельского хозяйства СССР.

В Туле не охраняют архитектурные памятники

Из года в год приходит в ветхость и разрушается замечательный памятник славного прошлого нашей Родины — тульский кремль, не раз отражавший набеги татарских орд, дававший приют армии Болотникова. Осенью 1941 года, в дни героической обороны Тулы от немецких захватчиков, в башнях и стенах кремля были сделаны амбразуры и пулеметные щели. Семь лет прошло с тех дней, но реставрация башен и стен не начата до сих пор.

Не реставрируется в Туле и древняя церковь Благовещенья, являющаяся архитектурным памятником. Осыпается дивное каменное кружево уникальных трехарочных ворот, построенных в Денисовском переулке еще в середине XVIII века.

Равнодушное отношение к судьбе исторических памятников архитектуры в Туле необ'яснимо.

Б. ВОРОГУШИН

Книжные бракоделы

Школы и библиотеки Больше-Глушицкого района Куйбышевской области получили в нынешнем году немало книг, в которых отсутствуют десятки страниц. Вот, например, учебник «Новой истории» для 9 класса средней школы, изданный Учпедгизом. В некоторых экземплярах книги глава «Соединенные Штаты Америки в конце XIX века» повторена дважды, а двух дальнейших глав нет. В другом экземпляре учебника отсутствует глава о Соединенных Штатах Америки.

В книге Эллиота Рузвельта «Его глазами» (Государственное издательство иностранной литературы) и в сборнике избранных произведений Н. Н. Златовратского (Государственное издательство художественной литературы) десятки страниц сброшюрованы два раза, а многих страниц нехватает.

Следует указать, что учебник истории и книга Рузвельта напечатаны 1-й Образцовой типографией треста «Полиграфкнига», а сборник произведений Златовратского — 6-й типографией того же треста.

П. НИКИШИН

Вера СМИРНОВА

ИЗ ЧЕГО СДЕЛАНА ПИРОГА?

Разговор о преподавании литературы в школе — не частный методический вопрос, это большой государственный разговор о будущем советской культуры, о развитии родного языка, культурном уровне будущего читателя, о будущих писателях, молодых кадрах советской литературы, о дальнейшем ее пути.

Это кровное дело писателей.

Что же не удовлетворяет нас в преподавании литературы в школе сегодня, и о чем надо позаботиться, чтобы завтра поднять его на более высокий уровень?

Прежде всего, мне думается, надо, чтобы вопросы преподавания литературы решались совместно — писателями и педагогами. Чтобы писатели не были только критиками и консультантами со стороны, а соавторами программ и авторами учебников. Учебник — это слово в старое время было синонимом сухой и скучной книги, которую трудно было читать и приходилось заучивать. Я уверена, что недалеко то время, когда в нашей стране учебники будут создаваться лучшими учеными и писателями и станут самыми увлекательными и любимыми книгами детей. А начинать нужно с учебников по литературе. Создание прекрасных «книг для чтения» и учебников литературы — дело чести советских писателей. Никто не сумеет так хорошо и точно рассказать о писателях, разобрать литературное произведение, об'яснить его смысл и красоту, заставить восхититься им, понять и полюбить его, как профессиональный литератор: это его дело, его любовь, его жизнь.

Беда большинства существующих хрестоматий в том, что они сделаны без любви и настоящего понимания литературы, равнодушными руками. Писатель знает, что смысл и сила художественной литературы, поэтического произведения в том воздействии, какое оно оказывает на человека, на читателя. Составители хрестоматий очень часто этого не понимают. Им ничего не стоит обкорнать, урезать лирическое стихотворение, бессмысленно раскромсать на куски поэму, выхватить отрывок из романа, не замечая, не понимая, что они обкорнали, обесплодили драгоценное это воздействие и тем самым обесценили произведение. Как часто, пытаясь об'яснить литературу, они ее убивают. Вот вы только что прочли стихотворение Некрасова «Школьник». Вы живо представили себе мальчика с книжкой в котомке, идущего проселочной дорогой в школу, — может быть, будущего Ломоносова. Вы растроганно повторяете вместе с поэтом:

> Вот за что тебя глубоко
> Я люблю, родная Русь.
> Не бездарна та природа,
> Не погиб еще тот край,
> Что выводит из народа
> Столько славных, то-и-знай...

Но под этими строчками стоит жирная черная черта, а под нею поистине канцелярский вопрос: «Что можете вы сказать о школьнике на основании второй и третьей строфы стихотворения?» Хорошо, если учитель почувствует бессмысленность этого вопроса и постарается найти простые человеческие слова для беседы. А если не почувствует? Ведь не чувствуют же этого шесть составителей хрестоматии «Родная литература» для 7 класса!

Еще печальнее пример из хрестоматии для 5 класса (тринадцать составителей). Здесь на странице 70 внезапно, без всякой связи с предыдущим и последующим материалом, приводится отрывок из поэмы Лонгфелло «Песнь о Гайавате». Отрывок великолепный — «Пирога Гайаваты». Но после того, как пятиклассник прочел чудесный поэтический рассказ о том, как Гайавата строил себе пирогу — «и вся жизнь лесов была в ней, все их тайны, все их чары», — после горделивого заключения:

> Мысль ему веслом служила,
> А рулем служила воля;
> Обогнать он мог хоть ветер.
> Путь держать — куда хотелось,

— раздается сухой скрипучий вопрос, достойный «человека в футляре»: «Расскажите об изготовлении пироги деловым языком, ...из каких материалов сделана пирога индейца?» Даже у детей вырывается протест: «Зачем?» В самом деле: зачем? Только человек, абсолютно лишенный поэтического чутья, мог выдумать эту нелепость.

Еще хуже обстоит дело с многочисленными «справками» по истории и теории литературы, предназначенными, очевидно, для заучивания школьниками. Порой это просто отписка: «Песня — небольшое стихотворное произведение, в котором автор выражает свои чувства и переживания, тоску или радость, вызванные тем или иным явлением жизни или событием» («Родная литература» для 6 класса), или «Басню... легко распознать среди рассказов и стихов. Это и рассказ и стихотворение вместе. Действующими лицами в басне бывают люди и животные, иногда предметы. Действие начинается сразу... Кончается действие чрезвычайно быстро... Герои действуют и говорят соответственно своему характеру...» и т. д. Пустота и неубедительность подобных «сведений» по теории литературы очевидны.

Ученик из подобных схоластических об'яснений в лучшем случае запоминает, что такое «эпитет» и «метафора», но не узнает Пушкина и Лермонтова, не поймет самой литературы. Сведения из биографий писателей изобилуют анекдотическими перлами.

«Похороны Некрасова еще раз подчеркнули кровную связь его с революционным движением...» Такими ли словами рассказывать детям о великих русских писателях, завещавших нам любовь к родному языку, к русской народной речи?!

Не всегда правильно дается в хрестоматиях анализ литературного произведения, порою явно искажается его идея. Составители хрестоматии для 7 класса так формулируют основную мысль рассказа Тургенева «Певцы»: «Необычайную талантливость русского народа губят те безобразные условия, в которых он живет». Анонимный автор «Сведений по теории литературы» остался глух к истинной музыке рассказа, не почувствовал великолепно переданных писателем талантливости русского человека и способности его глубоко ценить и любить настоящее искусство.

Но можно сказать, что все «это зло еще не так большой руки», все это может поправить талантливый и вдумчивый учитель.

Серьезнее те возражения, которые вызывает самое содержание хрестоматий (всех трех книг — для 5, 6 и 7 классов семилетней школы), отбор и расположение литературного материала, его идейная и художественная ценность. Самый термин «литературное чтение» только вносит путаницу. По существу, конечно, это уроки литературы. Хотя в программе сказано, что «в центре внимания (в 5 и 6 классах) ставится **изучение отдельного художественного произведения, а не историко-литературного процесса и не творческого пути писателя»**, тем не менее учителю в процессе преподавания все время приходится давать детям сведения и по истории и по теории литературы, ссылаться на биографии писателей, обращаться к исторической обстановке. Это приводит к тому, что в трех хрестоматиях, о которых идет речь, повторяются не только писатели, жанры, но даже и одни и те же произведения. Так, биография Пушкина по кусочкам изучается во всех трех классах, былины тоже, а отрывок из «Молодой гвардии» Фадеева, рассказывающий о том, как краснодонцы встречали в неволе октябрьский праздник, дан в хрестоматии для 5 и для 7 классов.

Надо предполагать, что наши дети удивительно «ленивы и нелюбопытны», чтобы думать, будто они будут терпеливо ждать два года, пока им «доскажут» биографию Пушкина. Нет, они, конечно, захотят сразу, сразу узнать не только о детстве Пушкина, но и о том, как он стал поэтом, как жил и боролся и погиб в неравной борьбе. И «Молодую гвардию» они захотят прочесть целиком. И они будут правы, потому что литературу нельзя дробить механически. Нужна система, стройная и закономерная, основанная на знании ребенка и понимании литературы.

Попытки методистов обосновать хаотичность, случайность состава хрестоматий (например, хрестоматии для 5 класса) подбором литературных произведений по разделам, по темам — мало убедительны. Разве не являются вариациями одного и того же такие, например, «разделы»: 1) Школа и подросток прежде и теперь и 2) Жизнь детей в прошлом? Вообще, не во гнев составителям будь сказано, это построение «по темам» и «по разделам» в данном случае кажется мне пережитком пресловутого печальной памяти «комплексного метода». И сквозь все эти разделы явственно просвечивает «добротная» старинная хрестоматийная рамка: весна, лето, осень, зима — «Времена года». Получается, в общем, такая пестрота тематическая и качественная, такой разнобой материала по трудности для восприятия и анализа, что даже опытному учителю трудно, а у школьника эта книга не вызовет желания читать ее и перечитывать.

В 5 классе — счастливое совпадение в программах: по истории — древняя Греция, по литературе — мифы. Тут бы и использовать эту связь с историей — дать отрывки из «Илиады» и «Одиссеи», — ведь именно в этом возрасте эпизоды Троянской войны и странствия Одиссея ближе всего ребенку. Даже в учебнике истории рассказывается о Гомере. А в хрестоматии детям предлагаются вместо подлинной эпической поэзии сухие пересказы Куна.

Безличен и неталантлив учебник 6 класса. Более систематичным кажется мне хрестоматия для 7 класса. В ней представлены наиболее крупные русские писатели. Однако. отбор произведений оставляет желать лучшего. Совершенно не найдено место советской литературы. Отсутствует вовсе мировая литература. А между тем седьмой класс — это конец школы-семилетки, для многих на этом кончается общее образование, и следовало бы, чтобы подросток уходил из семилетки с более систематическими и точными сведениями по литературе.

Я думаю, что наши школьные программы и учебники отстают от жизни советской страны и от развития советской литературы. Наша жизнь создала нового человека — хозяина земли, преобразователя природы и общества, человека-деятеля. Именно такой человек — герой нашего времени, властитель дум поколения, герой литературы. С точки зрения такого человека идет переоценка всех ценностей — философских, художественных, моральных. Если видеть перед собой такой идеал, найдешь и принцип отбора из наследия прошлого. Вот например: перед нами огромные богатства фольклора — устного народного творчества. Мы говорим о неиссякаемой духовной мощи народа, о его мудрости, даровитости, о его стремлении к счастью, об оптимизме народа. А что делают наши учебники и программы? Они отдают предпочтение «вопленницам» — ни одной праздничной, радостной песни, только жалобы и стенания. Ни одной песни борьбы!

Наша социалистическая действительность создала новые основы, новые устои жизни: советский патриотизм, дружба народов, социалистический гуманизм, свободный и мирный труд, коммунизм. Эти ведущие идеи помогают нам жить и строить новую жизнь и бороться с трудностями. Они окрыляют нашу советскую литературу. На них мы должны строить и преподавание литературы в советской школе. И отбор и разработка метода — наше кровное дело, общее дело педагогов и писателей. Будем делать его дружно, страстно, сознавая всю великую нашу ответственность.

Отравленный источник

Издательство «Советский писатель» выпустило в 1946 году исторический роман Алексея Югова «Даниил» — первую книгу эпопеи «Светоносцы». Главный герой романа князь Даниил Галицкий (XIII в.) показан в этой книге, как высоко образованный для своего времени человек, выдающийся правитель, полководец и дипломат.

В восьмом номере журнала «Новый мир» за 1948 год напечатана статья Ф. Александровой «Исторический роман и его критика». В этой статье критик сообщает, что роман Югова был встречен «гробовым молчанием центральной прессы», затем пренебрежительно замечает, что «книга А. Югова **обрела все же** (подчеркнуто нами. — **М. П.**) своего критика на родине героя».

Разбирая далее мою рецензию (очень положительную) на роман Югова, напечатанную в журнале «Радянський Львів» № 4 за 1947 год, критик из «Нового мира» приписывает мне им самим выдуманную цитату. Так, например, мне приписано утверждение, что в XIII веке «межнациональная борьба» между князьями облегчила победу татарам. Взяв это выражение — межнациональная борьба — в кавычки, Ф. Александрова выдает его за цитату из рецензии и упрекает меня в «подмене понятия феодальной междоусобицы национальной борьбой».

Ф. Александрова исходит в суждениях о романе «Светоносцы» из частного письма к ней некоего «куйбышевского корреспондента», якобы «пожилого врача». И вот этот «пожилой врач», анонимный для читателей, надоумил Ф. Александрову, что о Данииле Галицком надо судить по упреку некоего летописца отцу Даниила, князю Роману Мстиславичу: «Романе, Романе, худым живеши — Литвою ореши» (т. е. литвинами пашешь).

Если бы даже и существовала летопись с такими словами о Романе Галицком, то и тогда странным показалось бы нам намерение судить о государственных деяниях и облике Даниила Галицкого на основании каких бы то ни было поступков его отца. Никто же не судит о Петре I по поступкам его отца, Алексея Михайловича.

Однако не этот наивный ход мысли ставлю я в вину рецензенту. Как советский патриот, я удивлен и возмущен тем, что со страниц советского журнала, распространенного в широких кругах, прозвучало утверждение, которое целиком являлось плодом лживой противорусской пропаганды Ватикана. **Ни у какого летописца ни в какой летописи** нет известия, будто Роман Галицкий пахал на литовцах. Это — выдумка историка Стрыйковского, сфабрикованная уже через 300 лет после смерти Романа Галицкого. Уже в конце XVIII века эта «ватиканская утка» залетела к историку Татищеву. Вообще, как свидетельствует Н. И. Костомаров в своем исследовании о Данииле Галицком: «Известия о жестокостях Романа находятся исключительно у польского **историка, но не** встречаются в русских летописях, в которых Роман поэтически представляется удалым богатырем...»

К этим справедливым словам русского историка следует еще добавить, что это именно Романа Мстиславича, «буй-Романа», воспевает «Слово о полку Игореве», призывая его помочь Игорю; Роману посвящен целый ряд песен и былин русского народа, в которых этот ратоборец русской земли восхваляется за то, что отвадил вражеских королей и королевичей вторгаться в ее пределы.

Наконец, известно, что Роман Мстиславич спас Византию от половцев. Известно, что и Роман и Даниил были чрезвычайно образованными людьми, что было редкостью среди монархов Западной Европы.

И если уж для суждения о культуре древней Карпатской и Киевской Руси прибегают иногда к свидетельству зарубежных историков, то зачем же брать для этого мнимые поговорки мнимых летописцев? Не лучше ли, например, напомнить советскому читателю свидетельство знаменитого польского историка Шейнохи: «До разорения русских земель татарами, они принадлежали к богатейшим странам Европы. В то время, когда **западные страны находились еще в далеко незавидном положении, жили в варварстве и бедности, пространство между Днепром и Днестром славилось богатством и всякой роскошью, какая только была известна в тогдашнее время»** («Ядвига и Ягелло»).

Это свидетельство во всяком случае ближе к исторической правде, чем домыслы Стрыйковского.

Михаил ПАРХОМЕНКО

В Союзе советских писателей СССР

Молодые ленинградские поэты

Сборник «Молодой Ленинград», выпущенный в этом году ленинградским отделением издательства «Молодая гвардия», знакомит с поэтами, представляющими самый молодой отряд ленинградской поэзии. Этот сборник обсуждался на вечере, организованном в Центральном доме литераторов комиссией по работе с молодыми авторами. В гости к московским поэтам приехали участники сборника И. Демьянов, Н. Грудинина, С. Ботвинник, М. Сазонов, А. Чепуров. Они читали на вечере свои произведения, напечатанные в книге, и новые стихи, написанные после ее появления. Это дало возможность выступавшим говорить о творческом движении молодых авторов.

Первый сборник ленинградских поэтов был единодушно одобрен собравшимися. При сравнении его с аналогичным альманахом, выпущенным «Молодой гвардией» в Москве, все преимущества — на стороне «Молодого Ленинграда». Антологический принцип составления книги, где почти все 17 поэтов представлены лучшими и наиболее характерными для них стихами, и настоящее творческое внимание редактора А. Прокофьева, с которым он отнесся к своей работе, могут быть поставлены в пример составителям московского альманаха.

Н. Тихонов, Б. Рунин, П. Антокольский, М. Алигер, Л. Ошанин, С. Гудзенко, А. Межиров и другие охарактеризовали творчество поэтов. По их мнению, молодые авторы продолжают хорошие традиции ленинградских поэтов старшего поколения, они стремятся к высокой идейности, к строгости поэтического приема, лаконичности выражения, к точным, конкретным образам. Вместе с тем, сборник оставляет впечатление некоторого однообразия тем, интонаций, разрешения поэтических задач.

По общему мнению, наиболее зрелым и одаренным автором в книге является С. Орлов, интересны, в частности, его стихотворения «Смотровая щель», «У сгоревшего танка», «Его зарыли в шар земной».

К лучшим произведениям С. Ботвинника было отнесено стихотворение «Багрицкий». Удачны стихи «Энгельс» А. Андреева, «На огороде» И. Демьянова, «Киров» Л. Хаустова и отрывок из поэмы Н. Грудининой.

В заключение Н. Тихонов отметил, что молодые поэты должны ближе подойти к темам современности и направить свое творческое внимание на поэтическое отображение сегодняшнего дня родного города, трудовых подвигов людей новой сталинской пятилетки.

Новые книги

Обложка книги Василия Ажаева «Далеко от Москвы», вышедшей в издании «Московский рабочий» тиражом 75.000 экз. Цена книги — 20 руб. Одновременно книга вышла в издательстве «Советский писатель».

П. Павленко. Счастье. Роман. Гослитиздат. 312 стр. Цена 5 р. 50 к.

Семен Бабаевский. Кавалер Золотой Звезды. Роман в 2-х книгах. «Советский писатель». 628 стр. Цена 16 р. 50 к.

Борис Галин. В Донбассе. Очерки. «Советский писатель». 262 стр. Цена 7 руб.

Тихон Семушкин. Алитет уходит в горы. Гослитиздат. 260 стр. Цена 5 р.

Сергей Воронин. На своей земле. Роман. «Советский писатель». 312 стр. Цена 8 р. 50 к.

В книге рассказывается о колхозниках — переселенцах в Карелию, создавших на новом месте хороший колхоз, добившихся высокой урожайности на своих полях.

Иван Козлов. В Крымском подполье. «Советский писатель». 364 стр. Цена 9 р.

Свою книгу о героической борьбе советских людей в Крыму с фашистскими захватчиками И. Козлов посвятил «памяти мужественных патриотов-подпольщиков, погибших в борьбе с немецко-фашистскими оккупантами за свободу и независимость нашей Родины».

Л. Н. Сейфуллина. Избранное. (В серии «Библиотека избранных произведений советской литературы. 1917—1947»). «Советский писатель». 280 стр. Цена 9 р.

В книгу вошли: «Перегной», «Правонарушители», «На своей земле» и другие произведения писательницы.

Павел Шебунин. Мамаев курган. Повесть. «Советский писатель». 244 стр. Цена 7 р.

Книга П. Шебунина посвящена героическим дням Сталинградской обороны в дни Великой Отечественной войны.

Борис Горбатов. Избранные повести и рассказы. Гослитиздат. 480 стр. Цена 8 р. 50 к.

В книгу вошли: «Обыкновенная Арктика», «Алексей Куликов, боец...», «Письма товарищу», «Непокоренные» («Семья Тараса»).

Хачатур Абовян. Раны Армении. Вопль патриота. Ереван, Арменгиз. 324 стр. Цена 20 р.

Роман классика армянской литературы перевел С. Шервинский по подстрочнику, сделанному М. Геворгяном. Книга издана по армянскому академическому тексту, подготовленному к печати и снабженному примечаниями Г. Мурадяном.

И. М. Москвин. Статьи и материалы. «Всероссийское театральное общество». 384 стр. Цена 26 р.

Книга вышла под редакцией и с предисловием И. Крути. В ней собраны статьи и выступления И. М. Москвина, статьи различных авторов, посвященные исполнению И. Москвиным различных ролей, и другие материалы.

О Станиславском. Сборник воспоминаний. 1863—1938. «Всероссийское театральное общество». 660 стр. Цена 50 р.

В книге собраны воспоминания современников К. Станиславского и его письма жене.

С. Антонов. Лена. «Молодая гвардия». 116 стр. Цена 3 р. 25 к.

В повести рассказывается о молодой колхозной девушке-комсомолке Лене Зориной, о борьбе ее звена за высокий урожай.

Н. А. Добролюбов. Избранные статьи. (В серии «Школьная библиотека»). Детгиз. 392 стр. Цена 5 р. 70 к.

В книгу вошли: «Что такое обломовщина?», «Темное царство», «Когда же придет настоящий день?», «Луч света в темном царстве». Вступительная статья и примечания С. А. Рейсера.

Заметки читателя

СЕРДЦЕ НАРОДА

Г. ЛАРИН,
секретарь Херсонского обкома КП(б)У по пропаганде

На всех участках грандиозной стройки послевоенной сталинской пятилетки неустанно трудятся партийные работники, люди, для которых политическая работа в массах — дело их жизни.

Выполняя волю партии, осуществляя великие предначертания нашего вождя и учителя Иосифа Виссарионовича Сталина, партийные работники проводят громадную по своему значению и об'ему работу. Их скромный, будничный труд исполнен подлинного творческого вдохновения.

«Самое ценное у партийного работника, — указывал М. И. Калинин, — чтобы он сумел празднично работать и в обыкновенной будничной обстановке, чтобы он сумел изо дня в день побеждать одно препятствие за другим, чтобы те препятствия, которые практическая жизнь ставит перед ним ежедневно, ежечасно, чтобы эти препятствия не погашали его под'ема, чтобы эти будничные болотные препятствия развивали, укрепляли его напряжение, чтобы в этой повседневной работе он видел конечные цели и никогда не упускал из виду эти конечные цели, за которые борется коммунизм».

В книге о товарище Сталине Анри Барбюс хорошо определил характерные черты большевика: «Где бы ни работал советский коммунист, он всегда остается солдатом и учителем, а когда нужен герой — он готов на героизм».

Показать роль коммуниста в политическом руководстве, в искусстве воспитания людей, его умение обеспечить взаимодействие и гармонию всех отраслей социалистического строительства — это и значит показать партийного работника в жизни, в действии.

На Украине и в Таджикистане, в Азербайджане и Грузии, в Российской Федерации многие секретари райкомов партии за свой самоотверженный труд, за умелое руководство удостоены высокого звания Героя Социалистического Труда. А опыт их работы, их интересная и поучительная жизнь не показаны еще в литературе ни в одном из ее жанров. Лишь в скупых газетных строках читаем мы, например, о секретаре Орджоникидзеабадского райкома КП(б) Таджикистана, Герое Социалистического Труда т. З. Абдулине и замечательных результатах его работы.

Заслуженной любовью пользуется у читателя роман П. Павленко «Счастье». Писатель мастерски рисует обаятельный образ Воропаева. Как хорошо звучит прозвище, данное ему колхозниками, «Витаминыч»! Как верно думает Воропаев о значении политической работы, об успехах агитации и агитаторов: «Побеждали подвижники. Проигрывали и терял краснореречивые ораторы и остроумнейшие весельчаки, побеждали часто косноязычные и скупые на слова люди. Побеждали «беззаветники», ничего не умеющие делать на половину сил».

Верно и умно показал Павленко Корытова, этого «говорливого администратора», «работника-единоличника».

Однако я не могу согласиться с тем, как П. Павленко нарисовал областного руководящего работника — секретаря обкома партии Васютина: «По внешности Васютин был типичным партийным работником, подвижным, но не суетливым, с решительной категоричностью в жестах. Таким он был не столько по характеру, сколько по положению, автоматически выработавшему в нем за многие годы повадки командира, не умеющего медлить и запаздывать.

Васютин все делал сейчас же и сразу, как только перед ним возникала какая-нибудь задача.

...Воропаев знал по многим отзывам, что Васютина уважали за простоту, за умение впрягаться в новые дела, а, главное, за способность, очень бросающуюся в глаза, — запоминать имена, отчества и фамилии многих тысяч людей, составляющих актив области».

Разве можно серьезно говорить о «типичной для партийного работника внешности»? Разве можно возводить в идеал торопливость в решениях? И, наконец, умение запоминать имена, — разве это самое главное для руководящего партийного работника? Нет, образ секретаря обкома партии у тов. Павленко не получился.

Убедительно и страстно нарисованы образы партийных работников в очерке Б. Галина «В одном населенном пункте». Штатный пропагандист райкома партии, демобилизованный капитан Советской Армии Константин Пантелеев и первый секретарь районного комитета партии демобилизованный подполковник Василий Егоров — главные персонажи этого интересного очерка.

Писатель прекрасно показал силу могучего оружия партии — правдивого и страстного большевистского слова. Читая очерки Б. Галина, вспоминаешь приведенные выше слова М. И. Калинина об умении большевиков празднично работать в будничной обстановке и никогда не забывать конечных целей нашей борьбы — построения коммунизма.

Все касается партийного пропагандиста — «и атомная дипломатия, и чуни. И бои в Индонезии, и рабочая столовая. И индийский вопрос, и вопрос о горноподготовительных работах».

«Тяжелая у нас с вами должность, — сказал Герасим Иванович: — пропаганда и агитация! На все дай ответ. Доктрина Трумэна и суть життя.

И в голосе его звучала гордость: вот какая у нас работа, партийная работа...».

Мне показался очень правдивым образ первого секретаря райкома партии Егорова. «Егоров умеет в самом маленьком вопросе выделять главное, и даже в сугубо технических проблемах он умеет находить политическое зерно», — пишет Галин. Егоров работает с твердой уверенностью, спокойно и принципиально. Меня привлекает в очерке Галина то, что он сумел показать поэзию работы пропагандиста.

Однако я не могу согласиться с одной деталью в изображении Егорова. Галин пишет: «Он подошел к столу, на котором лежала кипа не читанных за неделю газет...»

Разве может секретарь райкома партии по неделям не читать газет? Разве сможет такой секретарь руководить районом? В это нельзя поверить.

Неудачен у Галина образ Ольги Павловны — зав. отделом пропаганды и агитации райкома партии. Это — безликое существо, «ходячий справочник». Она вовсе не типична для работника райкома партии.

В очерке Галина второй секретарь райкома Приходько говорит: «...если все будут выступать с докладами, або с лекциями, то кто же будет давать уголь?» И сразу мы узнаем встречающийся, к сожалению, нередко, тип работника, недооценивающего политическое просвещение. Нужно и можно было бы острее показать этот образ. Ведь «камнем преткновения» для некоторых секретарей райкомов партии является неумение сочетать практическую работу с повышением идейно-политического уровня.

Большевистский стиль работы райкома партии хорошо показан в серии очерков А. Колосова и У. Жуковина «Сельский райком партии», опубликованных в «Правде». Опыт работы Целинского райкома ВКП(б) Ростовской области, опыт работы первого секретаря этого районного комитета партии А. Даниловского и его товарищей раскрыт в публицистических очерках А. Колосова и У. Жуковина ярче и красочнее, чем во многих произведениях художественной литературы. Здесь, как и в очерке Б. Галина, публицистика оказалась эмоциональнее и, если можно так сказать, художественнее, чем художественная литература. Это ли не живой упрек ряду наших писателей?

Работать без штурмовщины, без авралов — важное и необходимое качество партийных работников, — это качество должна показывать, воспитывать и художественная литература.

А вот поэт С. Гудзенко считает штурмовщину в партийной работе доблестью. Он пишет:

> И секретарь райкома
> третьи сутки не был дома...
> Секретарь райкома Варга
> так свою работу начал:
> ночь проводит в кабинете,
> днем мотается по селам,
> по колхозам и по школам —
> ведь покоя нет на свете
> честным,
> сильным и веселым...
> Третьи сутки не был дома.
> Наступает третья ночь!..

Уместно вспомнить, что говорил по этому поводу С. М. Киров. «Некоторые ответственные работники подчас хвастаются тем, что не читают беллетристики. «Нашел, мол, чем заниматься, беллетристикой, тут газету некогда почитать». Этим хвастаться нельзя. Это говорит как раз о нашем неумении работать... Я во время заготовок видел одного секретаря партийной организации — бегает кругом да около молотилки и заявляет, что уже три ночи не спал. Конечно, ему не до беллетристики!

Только надо себе задать другой вопрос — правильно ли у этого секретаря организована работа и выйдет ли из нее толк? Думаю, что нет, — и практика будет хромать, и без теории останется, и без культуры... Думают, что если ты запыхался, если пот с тебя градом катит — вот это работа».

Хорошо сказано в поэме «Колхоз «Большевик» Н. Грибачева о секретаре колхозной парторганизации, которому народ «несет свое доверие».

> А к петухам поближе,
> попив чайку со вкусом,
> парторг у полки книжной
> сидит за «Кратким курсом»:
> оно и трудновато
> работать и учиться,
> да что поделать — надо,
> жизнь не идет, а мчится,
> и не побаски древней
> желает люд колхозный —
> растет народ в деревне,
> читающий, серьезный,
> за жизнь берется крепко,
> а партия в ответе
> за рожь, за человека,
> за всех, за все на свете!

Здесь очень ярко нарисован образ сельского низового партийного работника.

Интересен образ партийного работника у Н. Вирты в его пьесе «Хлеб наш насущный». «Хлеб для нас — передний край пятилетки», — говорит Алексей Рогов, первый секретарь райкома партии. У С. Бабаевского в «Кавалере Золотой Звезды» хорошо показан секретарь райкома партии Кондратьев.

Неудачен образ секретаря райкома партии Ивана Акимовича у С. Крутилинского в повести «Алтайский хлеб». Это — бесцветный человек, пассивный, равнодушный. Схематично и неубедительно изображены партийные работники в повести А. Гончара «Земля гудит». Бескровен и неинтересен парторг Сафонов в повести П. Друца «У старой плотины». И. Северцев в серии очерков «Колхозники моря» настолько поверхностно показывает секретаря райкома партии, что даже не дает ему имени (очерк «На берегу»). Политический руководитель района введен лишь, как фон для изречений бригадира рыболовецкого колхоза Григория Матвеевича.

Надо писателям показать и личную жизнь партийного работника, его семью. Это ведь не бесплотные аскеты и не черствые люди. Надо показать семью партийного работника, воспитание детей, пример хорошей, настоящей партийной семьи. Что же хорошего, если секретарь райкома в работе совершенно забывает о семье?

В рассказе Е. Дороша «Новый секретарь» мне особенно понравилось одно место: «...партийный комитет, по разумению моему, — сердце. День ли, ночь ли, работают люди, чи отдыхают, — всенародное сердце гонит свежую кровь по всему организму, чтобы в мизинце самом крайнем и то кипела бы жизнь». Хотелось бы, чтобы в книгах наших писателей всегда билось горячее сердце.

Литературная машина Америки

Редакция «Литературной газеты» получила на-днях от известного американского писателя Говарда Фаста письмо и статью, которую мы сегодня публикуем.

«Посылаю вам статью, — пишет Г. Фаст, — касающуюся некоторых сторон американской литературы и издательского дела. Мне кажется, она может представить интерес для ваших читателей и раз'яснит им некоторые сложные проблемы американской литературы и американского книжного рынка. Я буду очень рад, если вы ее используете. Жду вестей от вас.

Искренне ваш
Говард ФАСТ».

Говард ФАСТ

В короткой статье невозможно дать полный или хотя бы обстоятельный обзор текущей американской литературы и связанных с нею проблем; я затрону здесь лишь несколько вопросов, которые, как мне кажется, представят интерес для читателей вашей страны, желающих разобраться в странном явлении, именуемом «американская культура». Я расскажу, главным образом, о тех, кто читает книги в Америке.

Говорить о сегодняшней американской литературе, имея в виду только писателей, значит впасть в ошибку, свойственную всем буржуазным критикам. Они интересуются только теми, кто пишет, и поэтому не уделяют внимания тем, кто читает, — или, вернее, тем, кому доступна книга, а в этом ведь основная проблема нашей литературы, многосторонняя, сложная и трудная проблема.

Приведу пример. Моя книга «Кларктон» недавно была опубликована в Голландии. Издатели просили меня извинить их за то, что они выпустили роман только десятитысячным тиражом в первом издании, хотя та же книга в ее первоначальном американском издании вышла лишь в количестве пяти тысяч экземпляров. Голландия — маленькая страна, население ее невелико, и, как известно, ее политика не отличается особой прогрессивностью, но, видимо, значительная часть ее жителей читает новые книги.

Что же происходит в Америке? Почему она так скупа в отношении литературы?

Вообще говоря, наш народ не читает, а те, кто читают, и притом довольно много, — не читают хороших книг. Происходит это не по злой воле нашего народа. Американцы грамотны; они любят читать; предоставьте им только такую возможность, и они с увлечением будут читать лучшее из того, что когда-либо было написано, — я берусь это доказать. Но теперь их лишают такой возможности. Американский народ является первой жертвой «культурных обезьян» — хозяев наших отечественных трестов; наша культура в первую очередь пострадала от чудовищного и циничного плана американских монополистов, направленного на снижение уровня и разрушение культуры всех народов.

Обратимся для начала к некоторым общим статистическим данным, касающимся прежде всего художественной литературы. Сегодня, к концу издательского сезона 1948 года, средний тираж романа в США меньше пяти тысяч экземпляров. Средняя цена новой книги — три доллара. Книга стихов расходится в среднем в количестве меньше четырехсот экземпляров, и большинство американских издателей исходит из этого факта в своей торговой политике и вовсе не издает поэзию. Средний тираж сборника рассказов — менее трех тысяч экземпляров.

Издательские статистики в большинстве случаев называют одну общую цифру первых и последующих изданий, что, конечно, не дает верной картины, потому что в основе самого процесса переиздания — а в Америке это большой бизнес — лежит курс на снижение уровня культуры, о котором я уже говорил. Например, сплошь дрянные, бесчеловечные «романы тайн» Эрла Стэнли Гарднера, халтурные, неряшливо написанные истории об убийствах выпускаются миллионными тиражами в 25-центовом издании, так же как и те романы Эрскина Колдуэлла, которые носят явно порнографический характер. Книги Макса Бренда, плодовитого автора ничтожных и обычно изуверских «Западных рассказов», расходятся в миллионах экземпляров, равно как и отвратительно написанные и дурацки построенные романы Эллери Куина об убийствах. Книги подобного рода — тайны, убийства и всяческая порнография — фактически составляют главную продукцию колоссального предприятия по выпуску 25-центовых переизданий в Америке.

Правда, в начале войны, когда демократия завоевала крепкие позиции, в 25-центовой серии повторных изданий выпускались и хорошие книги. Тогда был осуществлен проект массовых изданий для вооруженных сил, единственный эксперимент в области демократической культуры, ставший возможным лишь благодаря существованию в тот период антифашистской коалиции. Стоит несколько подробнее остановиться на этом опыте для того, чтобы раз и навсегда опровергнуть утверждения буржуазных критиков, будто вкусы у широких народных масс очень грубые и невзыскательные. На принцип обслуживания «вульгарных вкусов масс» официально ссылаются, когда хотят об'яснить, что происходит в американской литературе: в этом об'яснении содержится так же мало правды, как и во всех других тактических приемах правящего класса.

Проект изданий для вооруженных сил отвечал потребности дать книгу карманного формата людям, находящимся в армии. Подобно многим мероприятиям военного времени, он был осуществлен в спешке, и одному человеку была дана почти диктаторская власть в отборе и выпуске книг. К счастью, это оказался человек с отличным литературным вкусом и большими познаниями. Он собрал обширную и разнообразную библиотеку, в которую вошли многие лучшие и наиболее увлекательные произведения мировой литературы; эти книги были изданы и распространялись среди армии в десятках миллионов экземпляров. У нас есть множество свидетельств того, какой горячий прием их ожидал и с какой жадностью их читали. Лично я беседовал на фронтах по ту сторону океана с десятками солдат, которые решительно утверждали, что только книги, изданные для вооруженных сил, делали выносимой их жизнь; довольно часто оказывалось, что до вступления в армию эти парни вообще никогда не читали никаких книг. Я видел солдат, читавших в наихудших из возможных условий, и особенно хорошо запомнил одного, который пытался читать Марка Твэна, пользуясь зажигалкой вместо лампы. Каждый, кто имел связь с нашими войсками, вспомнит, с какой жадностью и с каким удовольствием поглощались эти книги. Раз и навсегда мы убедились в лживости буржуазной легенды о низком вкусе массового читателя.

С окончанием войны издание книг для вооруженных сил прекратилось и, примерно, в то же время фирмы, выпускавшие дешевые переиздания, изменили свои требования к литературе. Как прямой результат влияния антифашистской коалиции, уровень литературы поднялся на какой-то короткий период, и тогда произведения некоторых американских прогрессивных писателей — в том числе и мои книги — расходились в миллионах экземпляров. В послевоенной обстановке было покончено с подобными экспериментами в отношении демократической культуры, и дело дошло до того, что общий уровень издаваемых книг стал еще ниже, чем был до войны.

Сегодня новые книги недоступны широким массам американского народа, а дешевые повторные издания не имеют больше никакого отношения к литературе. Цена романа колеблется в пределах между 2,75 и 4 долларами; если бы хорошие романы даже и не тонули в потоке хлама, они по своей цене были бы недоступны массам. А бесплатные библиотеки поставлены в такие условия, что для того, чтобы как-нибудь просуществовать, они вынуждены как можно меньше тратить на приобретение новой литературы.

Издатели утверждают, что в Америке около двенадцати тысяч общественных библиотек; это само по себе прискорбно малое количество, но даже наиболее разрекламированные книги эти библиотеки получают из расчета один экземпляр на десять-пятнадцать библиотек, а что до поэзии, то здесь один экземпляр приходится на пятьдесят-шестьдесят библиотек.

У критиков и историков литературы положение, пожалуй, наиболее плачевное. Профессия литературоведа рассматривается в Америке как нечто безнадежно устаревшее, и если литературно-критическая книга разошлась, например, в количестве двух-трех тысяч экземпляров, то это уже считается большим успехом. Такие книги не могут рассчитывать на переиздания. За ничтожную мзду буржуазный литератор сплошь и рядом продает свою душу и тело правящему классу.

Что же тогда представляют так называемые «бест-селлеры» («ходкие книги»)? Верно, что в Америке писатель может стать богаче, чем в любой другой стране, но то же самое может случиться с удачливым игроком, — и в том и в другом случае творческие способности играют самую ничтожную роль. Американские «бест-селлеры» приносят много денег; но в большинстве случаев доход от книги определяется ее высокой ценой, а не массовостью тиража. Например, роман, который разошелся в количестве пятидесяти тысяч экземпляров, легко займет одно из первых мест в списке «бест-селлеров»; только единицы из тысяч ежегодно издаваемых книг расходятся в таком количестве. Если продажная цена книги три доллара, то доход от пятидесяти тысяч экземпляров составит сто пятьдесят тысяч долларов. Если автор удачлив и получит гонорар в размере 15 процентов, его доход от книги равен 22 500 долларов. Но для среднего писателя такие заработки так же нереальны, как доходы миллионера для любого из его рабочих.

Помимо всего, пятьдесят тысяч экземпляров при населении в сто сорок миллионов — невероятно мало.

«Американ ревью оф Совьет Юнион» в мартовском номере за этот год приводит статистические данные о советских книгах. Мы узнаем, что советский писатель Александр Фадеев написал недавно роман, который за короткий срок разошелся в двадцати пяти изданиях общим тиражом в миллион сто шестьдесят тысяч экземпляров. «Тихий Дон» Шолохова издавался сто двадцать восемь раз всего в количестве около шести миллионов экземпляров. Кое-кому такие цифры могут показаться исключительными. Но тогда обратимся к творчеству малоизвестного в США грузинского классика Шота Руставели и обнаружим, что его книга, насчитывающая сорок пять изданий, имеет общий тираж свыше полумиллиона экземпляров.

В настоящий момент в Америке, насколько я мог установить, только один из романов Стендаля — «Пармский монастырь» — издан «Модерн Лайбрери» и имеется в продаже: в год расходится несколько тысяч экземпляров этой книги. А в СССР почти миллион экземпляров фактически всех сочинений Стендаля разошелся за последние три десятилетия. Романы Бальзака в Америке имеются только у коллекционеров, почти ни одного из них нет в продаже. Между тем в Советском Союзе свыше двух миллионов экземпляров произведений Бальзака распродано за тридцать лет. Несколько книг американских классиков, таких, как Драйзер, Норрис, Лондон, Уитман, Готорн, Эмерсон, Торо, Мельвиль и Крэйн, имеющиеся в продаже, расходятся в США в сотнях, самое большее в тысячах экземпляров. А тиражи изданий русских классиков в СССР выражаются цифрами в десятки миллионов.

Я привел эти цифры для того, чтобы подчеркнуть, что в действительности американский «бест-селлер» является «ходкой книгой» только в самом провинциальном смысле этого слова.

Для того, чтобы дать полную картину американского литературного рынка, нужно хотя бы вскользь упомянуть о книжных клубах и о том, что мы называем «специализацией книг». В литературной жизни Америки книжные клубы играют значительную роль. Во многих штатах цены на книги устанавливаются законом; клубы в обход этих ограничений распространяют книги по почте среди своих членов. Книги в розничную продажу не поступают, и поэтому власти не могут регулировать их цену. Располагая возможностью продавать книги по удешевленным ценам и соблазняя читателей разного рода премиями, клубы успешно вербуют новых членов и могут таким образом извлекать огромные прибыли через свой обеспеченный «внутренний» рынок, не прибегая к розничной торговле. В Америке насчитывалось двенадцать таких клубов, но привлеченный выгодностью этого вида бизнеса монополистический капитал решил прибрать его к рукам. Так возникли два клуба-гиганта.

Эти два гиганта — «Литературная гильдия» и клуб «Лучшей книги месяца». И, быть может, они-то и больше всего прилагают усилий к тому, чтобы последовательно развращать американскую литературу и заглушить в ней все талантливое и передовое. Оба клуба обращаются к так называемому «среднему классу». Клуб «Лучшей книги месяца» — к верхушке этого класса, «Литературная гильдия» — к мелкой буржуазии. «Литературная гильдия», распространяющая ежемесячно свыше полумиллиона книг, внешне более или менее аполитична, но клуб «Лучшей книги месяца», у которого подписчиков несколько меньше, занимает последовательную антисоветскую, антикоммунистическую и антигуманистическую позицию. «Литературная гильдия» специализируется на убого написанных ничтожных исторических и современных романах, которые не имеют никакого отношения к жизненной правде, зато охотно смакуют любую порнографию. Клуб «Лучшей книги месяца» широко рекламирует книги небеллетристического жанра и в своих рекомендательных списках уделяет место для любой антисоветской клеветы.

Такова в самых общих чертах картина сегодняшнего американского книжного бизнеса. Однако, говоря о ней, нельзя пройти мимо весьма существенного обстоятельства. Я имею в виду довольно большую и все растущую аудиторию читателей, которые политически группируются вокруг коммунистической и прогрессивной партий. Если бы не было этих групп и этих политических сил, сегодня не было бы скольконибудь достойной внимания американской литературы.

Любопытный факт: как показывают данные обследований, главную аудиторию читателей романов составляют американские женщины из «среднего класса», которые так подвержены болезни своего класса — тоске и разочарованности. Мужчины, принадлежащие к американскому «среднему классу», по большей части совсем не читают книг. В общем, помимо прогрессивных и университетских кругов, в Америке читают книги только наиболее сознательные представители рабочего класса.

Существует лишь одно исключение — «специализированные книги», чистый продукт американского «среднего класса», который покупается и читается «средними американцами». «Специализированные книги» составляют обширнейший раздел в современном американском издательском деле, и некоторые фирмы существуют почти исключительно за счет подобной продукции. Во всех этих книгах содержится довольно вульгарная и откровенная попытка внушить надежду и веру людям, которые не могут обрести ни веры, ни надежды в нынешнем образе своего существования. Эти книги говорят читателю, как сохранить душевное равновесие, как приобретать друзей, как бороться с бессонницей, как отдыхать, как избавиться от страха смерти, как любить, как найти путь к религии. Так, например, в своем списке «бест-селлеров» (небеллетристических) от 10 октября 1948 года газета «Нью-Йорк геральд трибюн» на первом месте помещает «Как забыть тревоги и начать жить по-новому» Дейла Карнеги, а на втором — «Душевный покой» Джошуа Лота Либмана. Ни одну из этих книг не покупают рабочие, которые, повидимому, не нуждаются в том, чтобы забыть тревоги.

Кроме этой больной и вырождающейся «литературной машины», капитализм поддерживает и тех, кто выступает под прикрытием фальшивой, насквозь лживой претензии на «авангардность». Они протаскивают ту же идеологию, которую «Литературная гильдия» поставляет читателю в самой примитивной обработке. Политическое руководство этими агентами капитализма осуществляется через охвостье разбитого вдребезги троцкизма; они находятся в вассальной зависимости у самых реакционных элементов правящего класса и финансовую поддержку получают из этого же источника.

В пределах нарисованной здесь картины и нужно рассматривать американскую литературу; вот в каких условиях вынужден работать американский писатель. Не удивительно ли, что при таком положении в современной Америке все же появляются хорошие книги и находят, хотя и небольшую, но все растущую аудиторию? Воистину, такой труд писателя принадлежит завтрашнему дню.

Только тот писатель, который участвует в прогрессивном движении в сегодняшней Америке, может иметь крепкую связь с жизнью. Борьба писателя в Америке отныне должна проявляться не только в выборе материала для книги; он должен быть заодно с теми прогрессивными классовыми силами, которые непосредственно выступают в его искусстве. Его собственная честность, как художника, зависит от того, насколько крепко он примкнул к этим силам.

НЬЮ-ЙОРК. Ноябрь.

С. МАКСИМОВ

ПОДЖИГАТЕЛЬ ВОЙНЫ НА СВОБОДЕ

ТАННЕР ВЫПУЩЕН ИЗ ТЮРЬМЫ

Финляндская реакция вновь обрела своего «фюрера»: Вяйне Альфред Таннер выпущен досрочно из тюрьмы. Финская Фемида предупредительно пошла навстречу крупнейшему военному преступнику Финляндии и «за примерное поведение» вернула ему свободу.

Таннер немедленно показал свой звериный оскал. В первой же беседе с журналистами он выразил свое возмущение тем, что до сих пор еще существует демократическое движение в Финляндии и что представители его недавно еще входили даже в правительство. «Слава богу, теперь в этом отношении дела уже пошли лучше, так как снова окрепла социал-демократическая партия». Из понятной скромности он умолчал о том, что именно в комфортабельной тюремной камере Таннера вырабатывались планы похода на демократические завоевания финского народа.

Таннер сразу заговорил языком хозяина. Он знает, что внутренняя и иностранная реакция сегодня особенно нуждается в нем, в человеке, который на всех этапах истории Финляндии за последние двадцать пять лет толкал страну на путь кровавых авантюр и военных конфликтов. И теперь, когда ничему не научившиеся реакционеры тянут Финляндию в лоно американского империализма, опытный в таких делах Таннер является для них «настоящим человеком на настоящем месте».

Кто лучше, чем этот прожженный социал-предатель, найдет общий язык с Эрнестом Бевином? Кому, как не Таннеру, долголетнему генеральному директору «Эланто», представители американского «Международного банка реконструкции и развития» могут доверить маршаллизацию Финляндии? И разве не Таннер 2 августа 1942 года торжественно заявил перед директорами крупнейшего концерна Энсо, что никогда не будет возврата к политике дружбы с СССР? Для поджигателей войны из Вашингтона и Лондона, для новых заокеанских гаулейтеров Европы — Аверелла Гарримана и Пауля Гофмана, для наемных писак из американизированных газет Стокгольма Таннер является той фигурой, которая, как они надеются, способна теперь дать финской политике ее так называемое «традиционное направление»: стать цепной собакой западного империализма против СССР.

Председатель парламентской фракции финских социал-демократов Вяйне Хаккила, обсуждавший недавно с Черчиллем в Лондоне проблему присоединения Финляндии к «об'единенной Европе», является лишь тенью Таннера. Премьер-министр Фагерхольм, поддерживающий через скандинавских правых социалистов негласный политический контакт с «западным миром», только выполняет недавние «тюремные директивы» Таннера. Однако сам Таннер, по мысли финской реакции и ее зарубежных вдохновителей, должен лучше справиться с поставленной нелегкой задачей, чем его мавры. Так решили в англо-американских столицах, и двери хельсинкской тюрьмы широко распахнулись перед Таннером.

Таннер взял линию далекого прицела. Его досрочное освобождение — лишь первый этап к реабилитации всей его антисоветской политики. «В тюрьме я чувствовал себя прекрасно, ибо совесть моя чиста, я невиновен», — декларировал этот прямой виновник двух национальных катастроф Финляндии. Есть еще судьи в Финляндии, которые по сходной цене готовы обелить политику гитлеровского союзника.

«Нашим единственным врагом был и остается СССР», — заявил Таннер 24 сентября 1943 года. Несмотря на это, военный преступник Таннер прекрасно себя чувствовал в тюрьме. Не потому ли, что его ад'ютанты из руководства социал-демократической партии хорошо усвоили этот «лозунг» и пышными, но неискренними фразами о дружбе с СССР только прикрывали и прикрывают свой сговор с поджигателями войны в Вашингтоне и Лондоне?!

Союз с фашистской Германией, ненависть к СССР, ставка на развязывание агрессивными кругами США и Англии войны против СССР — такова несложная политическая «программа» Таннера в недавнем прошлом. Он требует ее реабилитации в настоящем, чтобы опять взять антисоветский курс в политике Финляндии.

Появление Таннера на политической арене фактически означало бы полный и открытый отход Финляндии от того послевоенного курса, который обеспечил стране внутренний мир и внешнеполитическую стабилизацию. Но путь Таннера и его подручных из среды правой социал-демократии и «двадцати семейств» не является путем финской демократии. Таннерам, Фагерхольмам и Хаккила не удастся удушить демократические стремления финского народа. Финский народ, умудренный опытом двух войн, испытывает презрение и ненависть к тем, кто торговал родиной и готов был всегда отдать «взаймы» финскую территорию для нападения на СССР. Финский народ не потерпит, чтобы Таннер и его сторонники ввергли страну в пучину новых бедствий.

Таннер освобожден финляндской реакцией и ее ставленниками в судейских тогах, но он и его антисоветская политика безоговорочно осуждены историей и финским народом.

ИЗ ИНОСТРАННОЙ ПОЧТЫ

ТРЕБУЮТСЯ ФАЛЬШИВКИ

Французский журналист Лепонж получил от редакции американского журнала «Лайф мэгэзин» следующее предложение:

«Гарантируем вам 10.000 франков за шесть фотографий, показывающих насильственные действия бастующих. За каждую напечатанную фотографию платим 100 долларов».

В одном из последних номеров журнал «Лайф мэгэзин» посвятил пять страниц деголлевской пропаганде, изо всех сил стараясь доказать, что бастующие горняки избивают миролюбиво настроенных полицейских, почему-то вооруженных слезоточивыми бомбами и резиновыми дубинками.

Заказанные фотографии, видимо, понадобились американскому журналу для того, чтобы подтвердить распространяемую им деголлевскую клевету и «подкрепить» таким путем требование обуздать «мятежных» горняков.

Теперь дело за Лепонжем, которому предстоит сфабриковать соответствующие фотофальшивки...

ФАКТЫ БЕЗ КОММЕНТАРИЕВ

КРИК ДУШИ

Книги некоторых латино-американских писателей, в частности широко известного колумбийского писателя Варгас Вила, автора более пятидесяти произведений, заканчиваются обычно следующим стандартным обращением:

«Читатель!

Если тебе понравилась эта книга, не одалживай ее, ибо за полученное удовольствие ты заплатишь мне злом, лишая меня покупателей.

Одалживая книгу, ты наносишь большой материальный ущерб писателю, который получает гонорар с каждого проданного экземпляра».

ГАЗЕТЫ-РАКЕТИРЫ

Под эгидой генерала Макартура в Японии получили широкое распространение специфические издания. Это — газеты, которые специализируются на публикации порнографических произведений и на всевозможных вымогательствах. В г. Ниигата, например, владельцы такой газеты, набрав статью об интимной стороне жизни одной замужней женщины, пред'явили гранки ее семье и угрожали напечатать этот материал в газете, если им не будет выплачена определенная сумма денег. Таким путем газете удалось получить от этой семьи двадцать тысяч иен.

Газета «Асахи» сообщает, что только в 26 префектурах Японии издается 528 таких газет.

В НЕСКОЛЬКО СТРОК

◆В Италии из общего количества 8 миллионов крестьян около 4 миллионов почти не имеют земли. Два миллиона крестьян вынуждены полгода работать на чужой земле, чтобы как-нибудь прокормиться.

◆На премии и награды офицерам армии франкистской Испании по бюджету этого года ассигновано 26 миллионов песет. Эта сумма почти в два с половиной раза превышает средства, отпущенные на библиотеки.

А. ДЫМШИЦ

ИСПОВЕДЬ НЕГОДЯЯ

В Западной Германии, в Гамбурге и Штуттгарте, с благословения англо-американских оккупационных властей, по общедоступной цене (1 марка), тиражом в 350 тысяч экземпляров, вышла в свет очередная бизональная «массовая книга». Она называется «Расчет с Гитлером». Ее автор — небезызвестный фашистский военный преступник «доктор» Ялмар Шахт.

Ялмар Шахт, одна из самых мрачных фигур, выдвинутых на политическую арену немецким империализмом, — еще недавно подсудимый на Нюрнбергском процессе, обвиняемый в чудовищных преступлениях против человечества, — сейчас по милости своих покровителей вновь красуется в авангарде западноевропейской реакции.

Его послевоенный «литературный дебют» нельзя расценивать иначе, как желание снова вернуться к политической деятельности. Книга Шахта «Расчет с Гитлером» сама по себе является политическим актом.

Западная Германия сейчас наводнена мемуарными книгами «именитых» фашистов и профашистов. Многие из этих «произведений» — ловко состряпанные фальшивки. Рядом с подлинными мемуарами веймарского политика, «кровавого пса» Густава Носке на прилавках книжных магазинов лежат липовые «дневники» Геббельса и Евы Браун. «Расчет с Гитлером» резко отличается от всей этой продукции тем, что в книге Шахта в мемуарной форме ведется откровенный и подлый разговор с современностью. Это не столько мемуарная, сколько политически декларативная литература.

Перед нами гнусная фашистская книжка, «творение» матерого волка из стаи гитлеровского зверья. Ныне он из кожи вон лезет, чтобы доказать, будто он, Шахт, являлся главой антигитлеровского движения в Германии в годы фашистского террора. Но за этими смешными и жалкими потугами скрывается нечто гораздо более серьезное и симптоматичное: стремление при содействии англо-американских реакционеров полностью реабилитировать немецкий фашизм. Гитлер плох, фашизм хорош — такова несложная «мораль» Ялмара Шахта.

Шахт был одним из заправил немецкой реакции, которые сыграли решающую роль в приходе Гитлера к власти. Шахт был гитлеровским подручным в течение многих лет: президентом Рейхсбанка, министром хозяйства. Теперь он пытается «доказать», что его сотрудничество с Гитлером являлось якобы не чем иным, как «внутренним сопротивлением».

«Сопротивление Рейхсбанка, — заявляет он без всякого юмора, — было единственным, которое открыто позволило себе какое-либо учреждение». «...Я, — горделиво восклицает Шахт, — не был выжидающим наблюдателем, но я всем своим существом отдался попытке ввести гитлеровский режим в спокойный, тихий фарватер. Эту задачу, перед лицом которой обратились в бегство демократические политики, — я взял на себя».

Итак, Шахт пренахально утверждает, что именно он в качестве «заместителя демократических политиков» пытался «умерить» гитлеризм с помощью «открытой» банковской оппозиции. Трудно придумать ложь более наглую и более нелепую!

Однако попытка Шахта изобразить немецкую демократию, как полностью обанкротившуюся перед лицом гитлеризма, а себя самого, как главную пружину антифашистской борьбы в Германии, весьма характерна и полностью наруку его нынешним хозяевам. Ведь это именно они, вопреки подлинной немецкой демократии, по праву гордящейся героической борьбой Эрнста Тельмана, Эдгара Андрэ, Эрнста Зефкова, Арвида Харнака и сотен и тысяч самоотверженных сынов немецкого рабочего класса, с честью павших в неравной схватке с фашизмом, стараются раздуть лживую легенду о «всенародном характере» генеральско-фабрикантско-поповского заговора против Гитлера, изображая Шахта душой этого несостоявшегося «дворцового переворота».

На протяжении ряда страниц своей книги Ялмар Шахт всячески прихорашивается, не щадя красок для изображения своих мнимых антифашистских подвигов. Шахт, например, утверждает, что он был связан со многими заговорщиками 20 июля 1944 года. Но кто эти сподвижники Шахта? Вот они: прусские милитаристы — генералы Вицлебен, Гальдер, Томас, международно известные шпионы Гизевиус и Канарис, генерал Линдеман — душитель Македонии и командующий 18-й армией, державшей в преступной блокаде героический Ленинград. «Душой» их заговора называет себя Шахт. Что ж, быть может, он и в самом деле вместе с ними мечтал о спасении немецкого фашизма путем устранения Гитлера. Но все же характерно, что, хотя многие из них после провала заговора окончили свой путь в застенках гестапо, с презренной головы их соучастника Шахта не упал ни один волос.

Версия о Шахте, как о «моторе внутригерманского сопротивления», нужна современным хозяевам Бизонии для того, чтобы реабилитировать Шахта, «исправить» его безнадежно грязную репутацию и таким путем вернуть к политической деятельности этого гитлеровского подручного.

Сам Шахт неожиданно сообщает факты, решительно идущие вразрез с версией о его «антигитлеровской борьбе». Со страниц его книги часто выглядывает подлинная физиономия автора — хищная и злобная морда империалиста и фашистского шпиона.

Это он вынашивал фашистские планы колониальной экспансии, о которых теперь пишет с милой «наивностью» вегетарианца: «Я никогда не рассматривал колониальный вопрос, как империалистический или военный, но смотрел на него только, как на вопрос хозяйственный... Я неоднократно пытался сильнее заинтересовать Гитлера колониальной проблемой...»

За этими невинными признаниями следуют факты: «Летом 1936 года мне, наконец, удалось уговорить Гитлера послать меня в Париж с заданием начать переговоры с французским правительством о возвращении Германии одной из наших прежних колоний... По договоренности с Гитлером я отправился в длительную заграничную поездку. В начале марта 1939 года я покинул Германию, чтобы уехать на несколько месяцев в Британскую Индию и Бирму в качестве... обыкновенного туриста». Здесь шпион под видом туриста, изображая из себя ценителя «религии индусов», активно налаживал фашистскую разведывательную деятельность. Далее: «В начале 1940 года я предложил Гитлеру направить меня в Соединенные Штаты, где я должен был попытаться удержать Америку от вступления в войну».

Эти циничные признания Шахта лишний раз подчеркивают его тесную связь с преступной гитлеровской кликой.

Шахт и сейчас полностью стоит на фашистских позициях, рассматривая фашизм, как «немецкую идеологию», что не мешает ему всячески расхваливать своих американских хозяев и агрессию доллара.

Книга Шахта интересна еще и тем, что автор ее откровенно раскрывает свои связи с международной империалистической реакцией. Характерен содержащийся в ней перечень его друзей: Уинстон Черчилль, Гувер, Леон Блюм, в действиях которых он «встречал самым отрадным образом полное понимание». Еще летом 1941 года, пишет Шахт, один из американских представителей в Берлине сообщил ему, что в Америке рассчитывают на него «после войны, как на неопороченного человека». Вот она где — разгадка удачливой судьбы Шахта, ушедшего от справедливого возмездия и строчащего теперь гимны в честь старого — гитлеровского — и нового — бизонального — фашизма.

Так через три года после того, как гитлеризм потерпел полное военное поражение, под эгидой англо-американских оккупантов снова откровенно и нагло проповедуется фашизм. Книжка Шахта пропитана военно-реваншистскими идеями. В последней главе Шахт, в унисон своему другу Черчиллю, агитирует против «опасности с востока» и призывает к агрессии с запада.

Но как бы ни возвеличивали Шахта его англо-американские хозяева, он все же навсегда останется зловещей тенью прошлого. Не удастся оживить этот политический труп!

БЕРЛИН

Главный редактор В. ЕРМИЛОВ.
Редакционная коллегия: Н. АТАРОВ, А. БАУЛИН, Б. ГОРБАТОВ, А. КОРНЕЙЧУК, О. КУРГАНОВ, Л. ЛЕОНОВ, А. МАКАРОВ, М. МИТИН, Н. ПОГОДИН, А. ТВАРДОВСКИЙ, Л. ШАУМЯН.

«Литературная газета» выходит два раза в неделю: по средам и субботам.

Адрес редакции и издательства: ул. 25 Октября, 19 (для телеграмм — Москва, Литгазета). Телефоны: секретариат — К 5-10-40, отделы: литературы и искусства — К 4-76-02, внутренней жизни — К 3-37-34, международной жизни — К 4-64-61, науки и техники — К 4-60-02, информации — К 3-19-30, отдел писем — К 0-62-91, издательство — К 4-28-63.

Типография имени И. И. Скворцова-Степанова, Москва, Пушкинская площадь, 5. Б — 04205.